

ИРИНА
НАУМОВА

ИЗМЕНА.

ИРИНА НАУМОВА

ИЗМЕНА.

20 ЛЕТ БРАКА ПСУ ПОД ХВОСТ.

Ирина Наумова

Измена. 20 лет брака псу под хвост.

<https://litres.ru/74320588>

Аннотация

— У вашего мужа золотые руки, Валерия, — Стелла поправила бриллиантовую сережку, не сводя с меня торжествующего взгляда. — Моя Зефирка просто расцвела после его... процедур. — Влас — лучший ветеринарный хирург в городе, — ответила я с профессиональной гордостью, не замечая, как дрогнули губы «клиентки». — О да. Он умеет находить подход к тем, кто моложе и... горячее. Вы ведь отметите сегодня годовщину? Двадцать лет — это почти вечность. На вашем месте я бы подготовилась к сюрпризу.

Сюрприз ждал меня на нашей даче через три часа. Мой муж. Эта женщина в моем шелковом халате. И та самая собачка, спящая на моей подушке.

— Ты стала слишком предсказуемой, Лера, — бросил мне Влас, даже не пытаясь прикрыться. — Как стерильный бинт. А со Стеллой я чувствую, что живу.

Двадцать лет брака. Общая клиника, построенная на мои деньги и его амбиции. Он думал, что я — тихая тень, которая терпит всё ради «сохранения семьи». Он забыл, что здание

клиники оформлено на меня. И что я не умею прощать предателей.

Пусть забирает свои скальпели и убирается. У меня есть старый дом в Заречье, поддержка взрослой дочери и... угрюмый сосед Марк, который смотрел на меня в юности так, будто я — центр его вселенной. И, кажется, за двадцать лет ничего не изменилось.

В тексте вас ждут: Наглый изменник, который уверен в своей безнаказанности Коварная разлучница, решившая, что ей всё дозволено Сильная героиня, которая не прощает (даже когда он приползет!) Развод, раздел бизнеса и сладкий вкус реванша Настоящий мужчина, способный защитить и отогреть Хэппи энд для тех, кто верит в жизнь после 40!

Я вылечу свою душу так же профессионально, как лечила питомцев. А прошлое... пусть остается псу под хвост.

Содержание

Глава1	5
Глава2	14
Глава 3(Влас)	22
Глава 4	32
Глава 5	43
Глава 6(Марк)	51
Глава 7	59
Глава 8(Артём)	68
Глава 9(Влас)	74
Глава10	84
Глава11	91
Глава12	97
Глава13	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Глава 1

Кондиционер в машине надрывался, пытаюсь справиться с тридцатиградусной жарой, но салон всё равно пропитался густым, тяжелым запахом влажного чернозема и едва уловимым ароматом роз. На заднем сиденье в пластиковых горшках томились саженцы «Пьер де Ронсар». Я везла их на дачу как высшую награду за наши общие двадцать лет — нежные, кремово-розовые бутоны, которые должны были украсить перголу у входа.

Двадцать лет. Семь тысяч триста пять дней жизни в унисон.

Я перехватила руль поудобнее, мельком взглянув на свои руки. Коротко подстриженные ногти, кожа, пахнувшая антисептиком и дорогим кремом — руки ветеринарного врача, который больше времени проводит в операционной, чем перед зеркалом. Влас всегда говорил, что обожает мои руки. Называл их «чуткими инструментами».

Мы начинали в девяностых, когда из всех богатств у нас был только мой старенький диплом, его амбиции хирурга и складной столик для осмотра пациентов. Чтобы открыть «Велес-Вет», мне пришлось продать бабушкину квартиру в центре города — ту самую, с высокими потолками и лепниной, которую она завещала мне «на черный день». Я тогда смеялась, подписывая документы: «Бабуль, какой чер-

ный день? У нас впереди только свет!». Влас тогда на руках носил меня по пустому помещению нашей будущей клиники, обещая, что я никогда об этом не пожалею.

И я не жалела. Мы выстроили империю на костях моих надежд и его таланта. Я взяла на себя всё: счета, закупки, налоги, капризных клиентов и ночные инвентаризации, чтобы он мог просто быть гением. Звездой скальпеля.

До дачи оставалось два поворота. Я предвкушала, как Влас удивится моему раннему приезду. Он уехал туда еще утром, сославшись на то, что хочет подготовить террасу к нашему завтрашнему юбилею.

Ворота оказались не просто не заперты — они были распахнуты настежь, словно приглашая войти любого встречного. Это полоснуло по нервам первой странностью: Влас был педантом до мозга костей, он всегда проверял засовы по три раза.

На гравийной дорожке, прямо перед крыльцом, хищно блестел на солнце алый «Ягуар». Красивая машина, статусная. Машина Стеллы Громовой.

Я затормозила так резко, что горшки с розами на заднем сиденье опрокинулись. Ком земли вывалился на кожаную обивку, но я даже не вздрогнула. Стелла... Та самая вдова-миллионерша, которая три месяца назад привезла к нам своего бишона Зефирку. Маленькое белое облако с розовым бантиком на ухе и вечно слезящимися глазами. Влас тогда лично взялся за лечение собаки, хотя обычно таких «деко-

ративных» пациентов отдавал терапевтам.

— Наверное, что-то случилось с Зефиркой, — прошептала я сухими губами, пытаюсь впихнуть реальность в рамки привычной логики. — Экстренный случай. Он не успел предупредить.

Я вышла из машины. Раскаленный воздух ударил в лицо, но внутри у меня всё начало покрываться тонкой коркой льда. Из открытых окон второго этажа доносилась музыка — что-то из легкого джаза, который я терпеть не могла, а Влас всегда называл «музыкой для успешных людей».

Дверь в дом была приоткрыта. Я вошла бесшумно, как привыкла ходить по коридорам клиники, чтобы не пугать больных животных.

В холле на полу валялись мужские туфли. Мои любимые, ручной работы, которые я подарила Власу на прошлый день рождения. Рядом, вызываяще и бесстыдно, валялись красные лодочки на шпильке. Острые, как ножи.

Я шла вперед, и каждый шаг казался мне прогулкой по минному полю. В нос ударил запах — не мой лавандовый кондиционер, не запах хвои и дерева, а тяжелый, приторный шлейф пачули и ванили. Так пахла Стелла. Этот запах въедался в одежду, в шторы, в самую мою жизнь.

На кухонном столе стояла пустая бутылка шампанского. Нашего любимого, «Cristal», которое мы берегли для завтрашнего вечера. Два бокала. Один с отпечатком ярко-красной помады.

— О, Валерия! А мы вас так рано не ждали. Влас сказал, у вас сегодня годовой отчет и проверка из санэпидемстанции.

Стелла сидела в плетеном кресле на террасе, закинув ногу на ногу. На ней был мой шелковый изумрудный халат. Мой халат, Влас привез его мне из Парижа, утверждая, что этот цвет идеально подходит к моим глазам. Теперь он обнимал тело женщины, которая была моложе меня на двенадцать лет.

Она пила кофе из моей чашки — тонкого фарфора, привезенного из Италии. Той самой, из которой мне запрещалось пить «в суете», только по особым случаям. Видимо, сегодня случай был экстраординарным.

У её ног, на декоративной подушке с моей ручной вышивкой, свернулась Зефирка. Собачка лениво приоткрыла один глаз и твякнула, узнав во мне врача, который колол ей антибиотики.

Я стояла в дверном проеме, чувствуя себя лишней деталью в этом идеально выстроенном натюрморте. Голос пропал. В горле застрял колючий ком, который не давал ни вдохнуть, ни закричать.

— Что ты здесь делаешь, Стелла? — наконец выдавила я. Голос прозвучал чужой, надтреснутый.

— Наслаждаюсь гостеприимством вашего мужа, дорогая, — она улыбнулась, и в этой улыбке не было ни капли сочувствия. Только холодное торжество хищницы, которая точно знает: добыча уже в капкане. — Влас прав, у вас здесь чудес-

ный воздух. Совсем не то, что в городе.

Послышались шаги. Из ванной, вытирая мокрые волосы полотенцем, вышел Влас. Он был в одних шортах, расслабленный, сонный, с тем самым довольным выражением лица, которое бывает у него только после удачной операции.

Увидев меня, он не вздрогнул. Не кинулся оправдываться. Он просто замер на секунду, а затем его лицо приняло маску привычного, немного усталого раздражения.

— Лера? Ты почему не в клинике?

Это было так буднично, что у меня на мгновение помутилось в глазах. Он спрашивал меня о работе, стоя в пяти шагах от любовницы, которая допивала мой кофе в моем халате.

— Завтра двадцать лет нашему браку, Влас, — сказала я, и каждое слово падало на пол тяжелым булыжником. — Я привезла розы. «Пьер де Ронсар». Ты ведь помнишь, я о них мечтала три года?

Влас бросил полотенце на спинку стула и подошел к столу. Он налил себе воды, выпил её залпом, не глядя на меня.

— Розы — это прекрасно, Лера. Но давай без театральных эффектов. Раз уж ты здесь, значит, пришло время поговорить. Скрывать это дальше было бы просто утомительно.

— Скрывать что? То, что ты притащил её в наш дом? На нашу кровать?

— В наш дом? — он вдруг усмехнулся, и в этой усмешке я впервые увидела нечто новое. Глухое, копившееся годами пренебрежение. — Лера, посмотри на себя. Ты ведь давно

перестала быть женщиной. Ты превратилась в функцию. В удобный, предсказуемый механизм. Ты как стерильный бинт на ране — необходима, чтобы не было заражения, но от тебя не захватывает дух.

Он подошел к Стелле и совершенно естественно положил руку ей на плечо. Она тут же прильнула к нему, как кошка.

— Стелла — это жизнь. Это риск, это драйв. Я влюбился. С ней я чувствую, что я еще мужчина, а не просто дополнение к твоим годовым отчетам и графикам вакцинации.

Я смотрела на него и не узнавала. Где тот мальчик, который плакал вместе со мной, когда мы потеряли первого пациента? Где тот мужчина, который грел мои ледяные руки в коридорах первой клиники? Перед обломками моей жизни стоял чужой человек с серебром на висках и пустотой в глазах.

— Стерильный бинт... — повторила я. — Значит, двадцать лет я была для тебя просто перевязочным материалом? А клиника? Здание, которое я купила на деньги моей бабушки? Это тоже «функция»?

Влас поморщился, словно я напомнила ему о чем-то неприличном.

— Не нужно этих попреков, Лера. Мы всё делили пополам. Я — лицо компании, я — её руки. Без моего имени твои стены — это просто кирпичи. Кстати, Стелла нашла инвесторов. Мы планируем расширение, ребрендинг. «Велес-Вет» звучит слишком старомодно. Нам нужно что-то более... ста-

тусное.

— Ребрендинг? — я сделала шаг назад. — Ты уже и это обсудил? Пока я выбивала скидки у поставщиков лекарств, ты планировал мою ликвидацию?

— Мы предложим тебе достойные отступные, — подала голос Стелла, рассматривая свой безупречный маникюр. — Влас не хочет судов. Всё должно быть цивилизованно. Ты ведь умная женщина, Валерия. Поймешь, когда пора уходить со сцены.

Я посмотрела на Зефирку. Собачка спрыгнула с подушки и подошла к Стелле, преданно заглядывая ей в глаза. Животные всегда чувствуют силу. Сейчас сила была не на моей стороне.

Я не стала кричать. Не стала бить посуду или вцепляться в волосы этой женщине. Внутри меня вдруг стало так тихо, как бывает в лесу перед бурей. Каждая клетка моего тела начала медленно каменеть.

— Уходить со сцены... — я кивнула своим мыслям. — Хорошо.

Я развернулась и пошла к выходу.

— Лера, ты куда? — крикнул Влас. — Нам нужно обсудить детали развода! Юристы Стеллы подготовят бумаги к понедельнику!

Я не ответила. Я вышла на крыльцо, где всё так же палило солнце. Моя машина стояла с открытым багажником, откуда сиротливо выглядывали горшки с розами. Мой подарок.

Моя любовь. Моя ошибка.

Я прошла мимо них к воротам. Напротив нашего дома стоял старый декоративный колодец. Мы строили его вместе в первый год владения дачей. Влас тогда содрал кожу на ладонях, пытаюсь правильно уложить камни, а я обрабатывала его раны и смеялась, что мы строим колодец нашего счастья.

Я остановилась у края. Обручальное кольцо — тонкая полоска золота с маленьким бриллиантом — вдруг стало весить тонну. Оно сдавливало палец, мешая крови циркулировать.

Я сняла его. Оно соскользнуло легко, словно само хотело на свободу.

Я разжала пальцы.

Короткий, едва слышный всплеск на дне. Звук упавшего в бездну прошлого.

Я села в машину. Мотор заурчал, кондиционер снова начал гнать холодный воздух, но я его не чувствовала. Перед глазами стояли мои розы, оставленные на заднем сиденье. Без полива и тени они умрут к вечеру.

Но мне было всё равно.

Я вырулила со двора, не глядя в зеркало заднего вида. Я не знала, куда еду. Знала только одно: «стерильный бинт» больше не будет закрывать его раны. Пусть теперь истекает кровью сам.

Двадцать лет брака. Псу под хвост.

Я нажала на газ, и серая лента шоссе начала стремитель-

но поглощать моё прошлое, оставляя позади дом, который никогда не был моим, и мужчину, которого, как оказалось, я никогда не знала.

Глава2

Дорожная разметка сливалась в одну бесконечную белую нить, которая шила ночное полотно шоссе. Я не чувствовала руля, не чувствовала педалей, не чувствовала собственно-го тела. Была только эта нить и мертвенно-зеленоватый свет приборной панели. Мозг работал в режиме жесткого автопилота: «Держи дистанцию. Следи за зеркалами. Не дай себе сойти с ума».

На заднем сиденье при каждом повороте шуршали листья. Мои розы. Пьер де Ронсар. Кремово-розовые бутоны, которые я везла как символ нашего общего триумфа, теперь казались мне охапкой свежесрезанных покойников. Они погибли в этой машине. Без воды, без почвы, запертые в душном салоне, пропитанном моим отчаянием. И это было правильно. Все, что мы строили двадцать лет, должно было сдохнуть в одну ночь. Чтобы не осталось ни одного живого ростка, способного пустить корни в пепел.

Палец, на котором еще утром красовалось кольцо, ныл. Странно, я никогда не замечала его веса, а теперь, когда золото покоилось на дне колодца, кожа там горела, словно после ожога. Фантомная тяжесть. Говорят, так чувствуют себя люди после ампутации. Двадцать лет — достаточный срок, чтобы человек стал твоей частью, твоей правой рукой или почкой. Влас отрезал себя от меня без анестезии. Просто по-

лоснул скальпелем по живому и ушел, даже не вытерев руки от моей крови.

«Стерильный бинт», — всплыло в голове.

Я усмехнулась, и этот звук в пустом салоне напугал меня саму. Хирург и его ассистент. Он блистал в свете операционных ламп, а я обеспечивала чистоту, порядок и отсутствие инфекций. Я была его защитой, его тылом, его невидимой страховкой. И теперь он решил, что бинт ему больше не нужен. Ему захотелось открытой раны. Драйва. Стеллы.

Я увидела впереди яркие огни заправки. Зрение подвело: огни двоились и плыли. Мне нужно было остановиться, иначе я рисковала закончить этот вечер в кювете, избавив Власа от всех проблем с разделом имущества. А такого подарка я ему делать не собиралась.

Захлопнув дверь машины, я окунулась в густой ночной воздух. Здесь, на заправке, пахло бензином и дешевой выпечкой — запахи жизни, в которой не было места «Кристаллу» и интригам Стеллы Громовой. Я зашла в туалет и замерла перед зеркалом под безжалостным светом люминесцентных ламп.

Боже. Кто эта женщина?

Растрепанные каштановые волосы, тушь, размазанная по щекам грязными дорожками, бледные губы. Но глаза... Глаза были не моими. В них не было привычной мягкости и вечного ожидания чужого одобрения. В них горел холодный, расчетливый огонь. Так смотрит патологоанатом, приступая

к вскрытию.

Я методично открыла кран. Ледяная вода обжигала кожу, смывая остатки «прошлой Леры». Я терла лицо бумажными полотенцами, пока щеки не загорелись алым. Никаких слез. Больше ни одной слезы. Слезы — это биологическая жидкость, они не меняют ситуацию. Их нужно оставить для тех, кто слабее.

Выйдя в торговый зал, я подошла к кофемашине.

— Крепкий черный. Без сахара. Двойной, — мой голос прозвучал на удивление твердо.

Влас всегда запрещал мне пить такой кофе. «Лера, у тебя давление, побереги себя. Выпей лучше зеленого чая с медом». И я послушно пила этот пресный травяной настой, считая его заботу высшим проявлением любви. Господи, какая же я была дура. Он просто хотел, чтобы его «стерильный бинт» всегда был в рабочем состоянии.

Первый глоток обжег язык. Горько. Почти невыносимо. Но этот вкус возвращал мне реальность лучше любого нашатыря. Это был мой кофе. Мой выбор. Мой первый маленький акт бунта в мире, где меня больше не существовало как «жены Власа».

Я вернулась в машину и поставила стакан в подстаканник. В этот момент телефон в сумке завибрировал. Сердце пропустило удар. Влас? Протрезвел? Осознал?

На экране светилось фото Полины. Моя дочь. Моя девят-

надцатилетняя радость, которая сейчас училась в другом городе и видела мир в розовом цвете — цвете наших с Власом идеальных отношений.

Я сглотнула комок и нажала на «принять».

— Привет, мам! — голос Полины ворвался в салон, как теплый весенний ветер. — Ты почему не берешь трубку? Вы там уже празднуете? Папа, наверное, завалил тебя цветами?

Я закрыла глаза, сжимая руль так, что затрещали суставы.

— Привет, котенок. Извини, телефон был в сумке, не слышала. Да... цветов много. Ты же знаешь твоего отца, он любит масштаб.

Ложь далась мне легко, почти привычно. Мы ведь годами строили этот фасад. Фасад «самой счастливой пары города».

— Мам, я такой подарок вам приготовила! Завтра утром пришлю видео. Вы самые лучшие, правда.

В груди что-то хрустнуло. Я представила, как завтра, или через неделю, этот хрустальный мир моей дочери разлетится вдребезги. Как она узнает про Стеллу, про «стерильный бинт», про красные туфли на полу нашей дачи.

— Полинка, связь плохая, — я заставила себя улыбнуться, хотя это больше напоминало гримасу. — Мы на даче, тут вышки далеко. Давай завтра созвонимся, хорошо? Целую тебя, родная. Мы тебя очень любим.

Я нажала «отбой» и уронила голову на руль. Сволочь. Какая же он сволочь. Разрушить мою жизнь — это одно. Но лишить нашу дочь веры в любовь, в семью, в собственного отца... Это я ему не прощу. Никогда.

Я выпрямилась. Эмоции снова начали застывать, превращаясь в рабочий инструмент. Диагност во мне взял верх. Хороший врач никогда не лечит симптомы, он ищет причину.

Стелла Громова.

Я начала перебирать в уме всё, что знала. Фамилия Громов в нашем городе была синонимом агрессивного бизнеса. Аркадий Громов, её отец, владел сетью «ЗooМир» — бюджетными кабинетами, где поток пациентов был важнее качества лечения. Он пять лет пытался выкупить нашу клинику. Пытался давить проверками, переманивать врачей, даже предлагал Власу долю в своей империи. Мы всегда отказывали. «Велес-Вет» был нашей душой, нашей крепостью.

И вот теперь Стелла. «Инвесторы», «ребрендинг».

Пазл сложился так легко, что стало противно. Громовы не смогли взять крепость штурмом и решили зайти через постель коменданта. А мой «гениальный» хирург, ослепленный внезапно вставшим эго, с радостью открыл им ворота. Он думал, что Стелла влюбилась в его талант, а она просто выполняла задание отца по поглощению конкурента.

— Влас, ты даже не представляешь, в какой капкан ты за-

сунул свою голову, — прошептала я, глядя в темноту. — Ты думаешь, я бинт? Ошибаешься. Бинты выбрасывают, когда рана заживает. А я — скальпель. И я только что начала операцию.

Я открыла бардачок. Там, среди страховых полисов и чеков на бензин, лежала потертая кожаная папка. Я всегда возила с собой копии важных документов — профессиональная привычка контролировать всё.

Дрожащими пальцами я выудила договор купли-продажи здания на улице Советской. Пятнадцать лет назад.

Я закрыла глаза, вспоминая ту ссору. Влас тогда кричал, что мы семья, что всё должно быть общим. Он хотел оформить здание на ООО «Велес-Вет». Но моя мама, пережившая два тяжелых развода, тогда встала насмерть. «Лера, деньги от твоей бабушки. Это твоя страховка. Оформляй на себя или я прокляну эту сделку». Она даже сама нашла юриста, который подготовил договор дарения денег под конкретную покупку.

Влас тогда уступил, но три месяца не разговаривал со мной. Потом забыл. Или сделал вид, что забыл, привыкнув считать клинику своей по праву сильного.

Я перечитала подчеркнутые маркером строки: «...является личной собственностью... не подлежит разделу при расторжении брака...».

У меня в руках был детонатор. Влас мог забрать оборудо-

вание, мог забрать бренд, мог забрать своих верных интернов. Но без этих стен, без этой лицензии, привязанной к адресу, он — никто. Он просто наемный врач с раздутым самомнением.

Я завела мотор. Сон ушел окончательно. К четырем утра я подъехала к нашей клинике. «Велес-Вет» спала в предрасветных сумерках, отражая в стеклянных дверях розовеющее небо. На фасаде гордо светился наш логотип: сплетенные буквы «В» и «Л». Влас и Лера.

Я открыла дверь своим ключом. Охранник на посту вскинулся, протирая глаза.

— Валерия Николаевна? Что-то случилось? Влас Игоревич не предупреждал...

— Всё в порядке, Степаныч. Забыла документы для отчета. Спите дальше.

Я шла по пустому коридору. Запах антисептика, чистоты и тихой надежды. Это был мой мир. Каждая плитка здесь была оплачена моими нервами.

Я зашла в свой кабинет, не включая свет. Села в кожаное кресло, которое Влас выбирал «под себя», но в итоге оно досталось мне, потому что он предпочитал оперировать, а не сидеть за столом.

На столе стояла наша общая фотография. Мы на открытии этого филиала. Он обнимает меня, я смеюсь, уткнув-

шись ему в плечо. Мы выглядим такими незыблемыми. Такими настоящими.

Я взяла маркер из стаканчика. Рука не дрогнула.

Медленно, с наслаждением, я провела жирную черную черту по букве «В» на логотипе, отпечатанном на папке для документов.

— Теперь только «Л», Влас, — сказала я тишине. — Только Лера.

Я откинулась на спинку кресла. Снаружи начиналось утро — суббота, день нашего несбывшегося юбилея. Влас сейчас, наверное, спит в объятиях Стеллы, уверенный, что он победил. Он еще не знает, что «стерильный бинт» только что стал удавкой на его шее.

Я закрыла глаза прямо в кресле. Завтра будет война. Но сегодня я впервые за двадцать лет дышала полной грудью. Гнилой орган был удален. Осталось пережить реабилитацию. И я знала, что справлюсь. У хороших врачей не бывает осечек.

Глава 3(Влас)

(от лица Власа)

Шелковые простыни цвета графита приятно охладили разгоряченную кожу. Я лежал на спине, заложив руки за голову, и смотрел, как солнечные лучи преломляются в гранях хрустальной люстры под высоченным потолком. Сорок второй этаж. Пентхаус в самом дорогом жилом комплексе города. Здесь даже воздух казался другим — очищенным от бытовой пыли, отфильтрованным от рутины и пропитанным ароматом успеха.

Я глубоко вдохнул. Пахло сандалом, дорогой кожей и терпким, хищным парфюмом Стеллы. Запах женщины, которая знает себе цену и не разменивается на компромиссы.

Двадцать лет я просыпался под монотонное жужжание кофемолки и запах лавандового кондиционера для белья. Двадцать лет мое утро начиналось с расписания: «Влас, сегодня в девять сложный остеосинтез у овчарки», «Влас, нужно подписать счета за электричество». Лера была идеальным администратором моей жизни. Она выстроила вокруг меня удобный, стерильный вольер, в котором я должен был просто оперировать и приносить доход.

Она называла это заботой. Я называл это кастрацией.

Я повернул голову. Стелла спала рядом, изящно изогнувшись, отбросив одеяло. Тонкая лямка жемчужного пеньюара

соскользнула с точеного плеча. В свои тридцать восемь она выглядела роскошно — ни грамма лишнего, упругая кожа с легким золотистым загаром, идеальный профиль. Глядя на неё, я физически ощущал, как по венам разгоняется кровь, смывая возраст, усталость и ту глухую, липкую тоску, которая душила меня последние годы. Рядом со Стеллой я был не просто мужем-ветеринаром. Я был мужчиной. «Серебряным лисом», как она любила шептать мне на ухо, запуская пальцы в мою седину.

У изножья кровати, зарывшись в пушистый ковер, сопела Зефирка — тот самый избалованный бишон, с которого всё началось. Обычно я терпеть не мог декоративных собак, считая их генетическим недоразумением. Но когда три месяца назад Стелла переступила порог моей клиники, неся этот белый комочек на руках, я понял: эта женщина не будет сидеть в очереди к рядовому терапевту. Я забрал карту у дежурного врача просто чтобы иметь повод смотреть в эти льдисто-голубые глаза.

Стелла тогда даже не взглянула на Леру, которая суетилась у стойки ресепшена. Для Стеллы такие, как Лера — просто обслуживающий персонал.

— М-м-м... ты уже не спишь, мой гений? — низкий, с хрипотцой голос Стеллы вырвал меня из воспоминаний.

Она потянулась, грациозно, как породистая кошка, и перекатилась ко мне, положив теплую ладонь мне на грудь. Я перехватил её тонкое запястье и прижался к нему губами.

— Рядом с тобой жалко тратить время на сон, — ответил я, наслаждаясь тем, как уверенно звучит мой голос.

— Вчера ты был великолепен, — она скользнула пальцами по моему животу, вызывая приятную дрожь. — И я говорю не только о ночи. То, как ты поставил на место свою... супругу. Это было сильно, Влас. Мужчина, который умеет отрезать мертвое прошлое одним ударом, вызывает уважение.

Я усмехнулся, хотя внутри на секунду кольнуло неприятное воспоминание. Лицо Леры на террасе дачи. Бледное, застывшее. И этот звук падающего в колодец обручального кольца. Я ожидал истерики, слез, упреков — стандартного женского арсенала. Но она просто развернулась и ушла, оставив после себя легкий аромат роз.

«Стерильный бинт». Я сказал ей правду. Жестокую, да, но правду. Она перестала быть для меня женщиной задолго до появления Стеллы. Она превратилась в функцию.

— Она просто не ожидала, что я посмею выйти из-под её контроля, — я пренебрежительно дернул плечом, отгоняя навязчивый образ Леры. — Она привыкла думать, что клиника — это её заслуга. Что без её бухгалтерских табличек я бы до сих пор кастрировал котов на кухонном столе.

— Какая наивность, — Стелла тихо рассмеялась, приподнимаясь на локте. — Твой талант — вот единственный актив этой богодельни. Папа читал твои статьи по спинальной хирургии. Он сказал: «Этот парень перерос свой масштаб». И он прав. «Велес-Вет» — это провинциальный уровень, Влас.

А папа хочет сделать из тебя лицо национальной сети элитных ветеринарных госпиталей.

При упоминании Аркадия Громова я невольно подобрался. Раньше Громов был нашим главным конкурентом. Его сеть «ЗооМир» давила нас демпингом, но я брал качеством. Теперь же, когда Стелла открыла мне двери в свой мир, я понял, насколько мелко плавал. Зачем воевать с империей, если можно стать её принцем?

— Кстати, дорогой, — Стелла изящно спустила ноги с кровати и потянулась за бокалом с минеральной водой. — Юристы папы уже подготовили предварительный проект слияния. Но есть один нюанс.

Она сделала глоток, глядя на меня поверх тонкого стекла. В её взгляде появилась та самая деловая хватка, от которой у меня по спине пробежал легкий холодок возбуждения.

— Здание, — продолжила она. — По документам оно оформлено на Валерию. Папа не будет вкладывать миллионы в реконструкцию помещения, которое формально принадлежит брошенной, обиженной женщине. Ты должен убедить её подписать дарственную на ООО или на тебя. Сегодня же.

Я сел на кровати, чувствуя легкий укол раздражения. Опять эти бюрократические бумажки. Как же я от них устал.

— Стелла, это чистая формальность. Лера никуда не денется. Здание куплено в браке, по закону половина моя. А

если учесть, что всё оборудование куплено на мои гонорары...

— Влас, — она поставила бокал на тумбочку с чуть большей силой, чем требовалось. Звон хрусталя разрезал утреннюю тишину. — Мой отец не работает с формулировками «никуда не денется». Ему нужны гарантии. Твоя бывшая жена выглядит тихой, но тихие мышцы иногда очень больно кусают, если их загнать в угол. Просто привези мне её подпись. Мы же не хотим, чтобы старт нашего великого будущего сорвался из-за упрямства стареющей женщины?

Она улыбнулась, и напряжение мгновенно спало. Я привлек её к себе, зарываясь лицом в её волосы.

— Всё будет сделано, моя королева. Она подпишет. Ле-ра мягкая. Она девятнадцать лет жила ради меня и Полины. Поплачет, ходит по юристам, поймет, что против Громовых ей не выстоять, и сама принесет ключи. Ей нужны деньги, чтобы обеспечить себе старость, а я предложу ей отличные отступные.

Стелла тихо фыркнула, высвобождаясь из моих объятий.

— Старость. Боже, как же я ненавижу это слово. Некоторые женщины сами хоронят себя заживо, стирая пеленки и выращивая розы на грядках. Какое счастье, что я в юности была достаточно умна, чтобы не обвешать себя спиногрызами и грязными пеленками. Тело дается нам один раз, Влас.

И его нужно использовать для удовольствия.

Она направилась в ванную, покачивая бедрами. Я смотрел ей вслед, полностью соглашаясь. Как же мне повезло. Лера вечно твердила, что нам нужен второй ребенок, «пока возраст позволяет». А Стелла была свободна от этих наседкинских инстинктов. Она жила для себя. И теперь — для меня.

Мобильный телефон, брошенный на кресло со вчерашнего вечера, вдруг взорвался вибрацией. Я поморщился. Воскресенье, девять утра. Кому там не спится?

На экране светилось имя Антона — моего старшего хирурга и по совместительству заместителя.

— Да, Антон, — я ответил лениво, всем своим тоном показывая, что звонок некстати. — У нас там что, массовое отравление корги на Рублевке?

— Влас Игоревич... — голос Антона дрожал, как у студента на проваленном экзамене. На заднем фоне слышался какой-то гул и писк аппаратуры. — Доброе утро. Простите, что беспокою, но у нас тут... ЧП.

— Какое еще ЧП? — я потер переносицу. — Ты хирург, Антон. Зашей, забинтуй и вставь счет.

— Дело не в пациентах, Влас Игоревич. Дело в Валерии Николаевне.

Имя жены резануло слух.

— Что с ней? Приехала в клинику рыдать на плече у стар-

шей медсестры? — я усмехнулся, ожидая услышать именно это.

— Нет. Она приехала ночью. Охранник пустил, у неё же ключи. Влас Игоревич, она... она полностью заблокировала доступ к серверу бухгалтерии. Пароли изменены. Мы не можем провести ни одну транзакцию. Складские программы тоже заблокированы.

Я медленно спустил ноги с кровати. Усмешка сползла с моего лица.

— В смысле — заблокировала? Позови сисадмина, пусть снесет её пароли!

— Сисадмин пробовал. Там стоит двойная аутентификация с привязкой к её личному номеру, — Антон сглотнул так громко, что я услышал это через динамик. — Но это не всё. На двери вашего кабинета... и в ординаторской висит официальный приказ. С печатью и её подписью как генерального директора.

— Какой еще приказ?! — я не заметил, как повысил голос. Зефирка испуганно тявкнула из-под кресла.

— Об отстранении вас от операционной и административной деятельности. И... Влас Игоревич, она распорядилась сменить личинки замков в вашем кабинете. Техник уже закончил.

Воздух в легких внезапно закончился. Я стоял посреди пентхауса за миллион долларов и чувствовал себя так, слов-

но меня только что вышвырнули на мороз в одном нижнем белье.

— Она с ума сошла? — прорычал я, сжимая телефон так, что пластик жалобно скрипнул. — Она никто без меня! Я — лицо этой клиники!

— Я пытался дозвониться до неё, — лепетал Антон. — Телефон выключен. Юрист клиники говорит, что по бумагам, так как она учредитель и собственник помещения... она имеет право на время аудита...

— Заткни своего юриста! — рявкнул я. — Слушай меня внимательно. Ничего не трогать. Пусть пациенты идут по расписанию, оплату берите наличными, выдавайте квитанции от руки. Я сейчас приеду и вышвырну эти её «приказы» в мусорное ведро. Это просто бабская истерика. Она решила поиграть в независимость.

Я бросил трубку на кровать. Внутри клокотала ярость. Как она посмела? Замотать мой кабинет? Заблокировать мои деньги? Эта серая мышь, которая двадцать лет смотрела мне в рот и подавала инструменты, вдруг решила показать зубы?

— Проблемы в раю? — Стелла стояла в дверях ванной, вытирая лицо пушистым полотенцем. Её глаза сузились.

— Мелкие неурядицы, — я заставил себя улыбнуться, хотя скулы сводило от напряжения. — Лера решила устроить цирк с документами. Заблокировала базу.

Стелла медленно опустила полотенце. Вся её расслаблен-

ная утренняя грация исчезла, уступив место жесткой, расчетливой позе.

— Я же предупреждала тебя, Влас. Не недооценивай обиженных женщин. Мой отец не потерпит скандалов с заблокированными счетами. У тебя ровно двадцать четыре часа, чтобы вернуть контроль над своей территорией. Иначе инвесторы решат, что ты не способен управлять даже собственной женой, не говоря уже о федеральной сети.

Её слова ударили наотмашь. Я подошел к стулу, на котором со вчерашнего вечера висела моя рубашка, и начал быстро одеваться.

— Я всё решу сегодня, — процедил я, застегивая пуговицы негнушимися пальцами. — Она пожалеет, что вообще сунулась в мои дела. Я выбью из неё эту подпись, даже если мне придется притащить её к нотариусу силой.

Я накинул пиджак и посмотрел в зеркало. Идеальный костюм. Идеальная укладка. Серебряный лис. Я хирург, черт возьми. Я разрезаю плоть и спасаю жизни. Неужели я не справлюсь с обезумевшей от ревности домохозяйкой?

Я еще не знал, что пока я мчался по утренним пробкам в свою клинику, Лера уже отмывала пыль с бабушкиных окон в Ручьях, навсегда закрыв для меня дверь в свою жизнь. Я ехал на войну, уверенный в своей безоговорочной победе, даже не подозревая, что мой главный противник уже давно покинул поле боя, оставив меня воевать с собственными ил-

люзиями. И что настоящий удар мне нанесет не Лера, а тайна, которую так тщательно скрывала женщина, подарившая мне эту «новую жизнь».

Глава 4

Дорожный указатель с выцветшей надписью «Ручьи» мелькнул на обочине и скрылся в облаке сухой летней пыли. Я сбросила скорость, сворачивая с гладкого асфальта трассы на бетонку, ведущую к поселку.

Влас, наверное, был уверен, что я поеду зализывать раны обратно в нашу пустую городскую квартиру. Или, что еще хуже, останусь рыдать под забором нашей общей двухэтажной дачи, где он только что свил гнездо со своей Стеллой. Ту роскошную дачу мы строили совсем в другом направлении, в престижном районе у водохранилища. А сюда, в Ручьи, мой муж не приезжал уже лет десять, брезгливо называя бабушкин участок «пережитком крестьянского прошлого».

И слава богу. Здесь не было ни его идеальных газонов, ни его грязных тайн.

Двадцать лет назад это было тихое место, где пахло парным молоком и цветущей липой. Бабушка варила здесь вишневое варенье, а я готовилась к экзаменам в ветеринарную академию, сидя на скрипучих качелях. Теперь поселок Ручьи изменился до неузнаваемости. Старые избы пошли под снос, уступив место трехэтажным кирпичным особнякам за высокими глухими заборами, кованым воротам и камерам видеонаблюдения. Поселок оброс элитным статусом, дорогими машинами и идеальными газонами.

И только на самом краю улицы, упирающейся в сосновый лес, остался нетронутым мой личный остров прошлого. Бабушкин участок. Тридцать соток заросшего сада и старый, но крепкий сруб с резными наличниками, который чудом избежал продажи. Влас не раз предлагал снести эту «рухлядь» и построить современный коттедж для сдачи в аренду, но я всегда находила повод отложить стройку. Подсознание — умная штука. Оно знало, что однажды мне понадобится убежище.

Я заглушила мотор у покосившейся калитки. Вокруг стояла густая, вязкая жара воскресного полудня. Город с его предательствами, красными «Ягуарами» и документами на раздел имущества остался в тридцати километрах позади. Сегодня утром я успела заехать в нашу с Власом квартиру, пока он, очевидно, отсыпался в пентхаусе своей любовницы. Забрала только самое необходимое: одежду, ноутбук, базовый набор хирургических инструментов и старый, тяжеленный немецкий микроскоп, который купила с первой зарплаты. Вещи Власа, его идеальные костюмы и дорогие парфюмы, я даже не задела. Они казались мне радиоактивными.

Железная щеколда поддалась со скрипом, от которого заныли зубы. Я толкнула калитку, продираясь сквозь заросли крапивы и одичавшей малины. Дом встретил меня глухой обороной вросших в землю бревен и запыленными окнами. На крыльце скопился толстый слой сухой хвои.

Я вставила длинный ключ в замок. Щелчок показался вы-

стрелом в этой тягучей дачной тишине.

Внутри было прохладно. Воздух застоялся, пропитавшись запахом сушеных яблок, старой бумаги и мышей. Я опустила на выцветший половик сумку с вещами и футляр с микроскопом. Вот и всё. Валерия Николаевна, совладелица лучшей клиники в городе, диагност от бога, вернулась к заводским настройкам. Сорок два года. Ни мужа. Ни иллюзий. Только слой пыли на бабушкином буфете и паразит, пытающийся сожрать дело всей моей жизни.

Я провела пальцем по деревянному столу, оставляя чистую полосу. Нужно открыть окна. Выпустить этот мертвый воздух, иначе я просто задохнусь в собственных воспоминаниях.

Подойдя к крайнему окну в гостиной, я попыталась повернуть старый шпингалет. Он заржавел намертво, слипшись с рамой слоями облупившейся белой краски. Я надавила сильнее, упираясь ладонью в деревянный переплет. Ни с места. Злость, которую я так старательно утрамбовывала внутри со вчерашнего вечера, вдруг плеснула через край.

— Да открывайся же ты, черт возьми! — я ударила основанием ладони по раме.

Дерево хрустнуло, но не поддалось, зато под кожу на сгибе пальца глубоко вонзилась острая, как игла, заноза. Я отдернула руку, инстинктивно поднося её к губам. Выступила капля крови, яркая и до абсурда живая на фоне этой серой пыли.

Физическая боль сработала как отрезвляющая пощечина. Я зажмурилась, прижимая палец к ладони. Нельзя расклеиваться. Только не сейчас. Я найду плоскогубцы в сарае. Я всё починю сама. Я всегда всё чинила сама: и сломанные лапы лабрадоров, и балансы в бухгалтерии, и настроение Власа перед сложными операциями.

Выйдя на крыльцо, я направилась в обход дома, туда, где к старому забору примыкал деревянный сарайчик с инструментами.

Запах свежеструганной сосны и крепкого табака ударил в ноздри раньше, чем я услышала ритмичный звук ножовки.

Я остановилась у покосившейся сетки-рабицы, разделяющей мой участок и соседний. Там, на чужой территории, где раньше стояла халупа деда Матвея, теперь возвышался добротный, стильный дом из темного бруса с огромными окнами в пол. А возле самого забора работал мужчина.

Он стоял ко мне спиной, распиливая толстую доску на козлах. На нем была простая выцветшая футболка, плотно облегающая широкую, литую спину, и плотные рабочие штаны. Каждое движение было точным, выверенным, без лишней суеты. На предплечьях, покрытых золотистой пылью опилок, перекачивались тугие узлы мышц.

Я не собиралась привлекать его внимание, просто искала глазами замок на своем сарае, но под ногой предательски хрустнула сухая ветка сливы.

Мужчина мгновенно остановился. Ножовка замерла в де-

реве. Он медленно обернулся, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба.

Первое, что я отметила профессиональным взглядом — его возраст. Мой ровесник, может, чуть старше. Лицо, изрезанное глубокими, жесткими тенями, не знало ни дорогих косметологов, ни мягкой городской жизни. Упрямый, тяжело очерченный подбородок покрывала короткая темная щетина с проблесками соли. Но главным были глаза. Густого, темно-карего, почти черного цвета.

Когда он посмотрел на меня, произошло нечто странное. Его рука, сжимавшая рукоятку инструмента, вдруг напряглась так, что побелели костяшки. В этом тяжелом, как свинцовое небо, взгляде мелькнуло что-то похожее на электрический разряд. Узнавание. Словно он прочитал мою медицинскую карту, мой паспорт и выписку из банковского счета еще до того, как я открыла рот. Он смотрел на меня так пристально, словно я была привидением, материализовавшимся в его саду.

Я нахмурилась, пытаюсь сопоставить это лицо с базой данных своей памяти. Клиент? Владелец какого-нибудь сложного дога или кавказской овчарки? Нет, я бы запомнила эту медвежью статью. Знакомый Власа? Исключено, Влас общался только с парфюмерно-стерильными бизнесменами в костюмах от Бриони.

— Добрый день, — сухо произнесла я, пряча раненую руку в карман джинсов. — Извините, не хотела отвлекать. Я

ваша соседка. Валерия.

Он молчал. Просто стоял и смотрел на меня поверх сетки, и это молчание не было неловким. Оно было плотным, осязаемым. Словно он оценивал ущерб, который нанесло мне время.

— Соседка, — наконец произнес он. Голос оказался под стать внешности: низкий, рокочущий, с легкой хрипотцой, от которой по коже пробежал странный холодок. — Вернулась, значит.

Он не спросил, он констатировал факт. И это раздражало. Я слишком устала от мужского превосходства за последние сорок восемь часов.

— Я приехала в свой дом, — отрезала я, выпрямляя спину. — Хотела спросить, не одолжите ли вы плоскогубцы или монтировку минут на десять? Мои шпингалеты на окнах решили держать круговую оборону, а я не могу найти дедушкин инструмент.

Мужчина отложил ножовку на доску. Он медленно подошел к забору, отряхивая руки от опилок. Вблизи он казался еще крупнее. От него пахло смолой, нагретым на солнце деревом и честной, мужской работой — запахом, который напроочь отсутствовал в моей стерильной, глянцевої жизни.

— Монтировка там не поможет, — спокойно сказал он, глядя мне прямо в глаза. — Только раму высадишь. Там краска слиплась с замазкой. Нужен тонкий резак и рычаг.

— Я разберусь. Просто дайте инструмент, пожалуйста.

Уголок его губ едва заметно дрогнул в подобии усмешки. Не злой, а скорее... горькой.

— Ты не изменилась, Лера. Всё сама.

Я замерла, почувствовав, как земля под ногами слегка качнулась. Он назвал меня по имени, хотя я представилась полным «Валерия». И это «ты»...

Я всмотрелась в его лицо внимательнее. Прямой нос со следами старого перелома. Упрямый излом бровей. И эта манера смотреть исподлобья, словно прицеливаясь. Память, продираясь сквозь слои двадцатилетней давности, вдруг выдала картинку: художественная школа, запах масляных красок, растворителя и высокий, угрюмый парень на задней парте, который вместо гипсовых голов постоянно рисовал мои руки.

— Марк? — выдохнула я, не веря собственным глазам. — Марк Соболев?

Он коротко кивнул, не сводя с меня своего пронзительно-го взгляда.

— Узнала всё-таки. Я уж думал, городские окончательно память стирают.

Господи. Двадцать два года назад. Мы вместе заканчивали художку, прежде чем я поняла, что хочу лечить животных, а не рисовать их. Марк был неразговорчивым, вечно в краске, вечно со своими чертежами. Он провожал меня до дома, от-

бивал от местных хулиганов, но никогда не переходил черту. А потом в моей жизни появился яркий, искрящийся амбициями студент-медик Влас. И Марк просто исчез. Молча собрал свои эскизы и растворился в пространстве.

— Ты... ты как здесь? — я растерянно обвела рукой его участок и новый дом. — Это твоё?

— Моё, — он оперся предплечьями о верхнюю перекладину забора. — Строю понемногу. Архитектурное бюро в городе оставил компаньонам, перебрался сюда на постоянку. Здесь воздух чище. Гнили меньше.

В последней фразе мне почудился скрытый смысл, но я была слишком вымотана, чтобы разгадывать ребусы.

— Рада за тебя, Марк. Правда, — я попыталась выдавить дежурную улыбку, но губы слушались плохо. — Так что насчет инструмента?

Вместо ответа он развернулся, подошел к своему верстаку, взял узкий строительный нож, стамеску и направился к калитке в нашей общей сетке, о существовании которой я даже не подозревала. Задвижка сухо шелкнула, и он оказался на моей территории.

— Показывай свою оборону, — бросил он, проходя мимо меня к дому.

Я пошла следом, глядя на его широкую спину. Внутри боролись два чувства: привычная независимость, кричащая, что я должна была справиться сама, и странное, забытое облегчение от того, что кто-то просто взял и начал решать про-

блему, не требуя за это ни отчетов, ни восхищения.

Мы зашли в гостиную. Марк критически осмотрел окно, затем достал нож и аккуратно, миллиметр за миллиметром, начал прорезать слой окаменевшей краски вдоль шпингалета. Его движения были скупыми, но невероятно уверенными. Я стояла рядом, наблюдая за его руками. Пальцы с загруbevшей кожей, коротко остриженные ногти. Мужские руки, которые знают цену труду.

Через две минуты он поддел стамеской защелку, и окно с сухим треском распахнулось, впуская в душную комнату горячий, настоящий на травах ветер с улицы.

— Вот и всё, — Марк убрал инструмент в карман и повернулся ко мне.

Его взгляд упал на мою правую руку, которую я неосторожно вытащила из кармана джинсов. На ладони запеклась кровь от занозы. Он нахмурился, перехватил мое запястье прежде, чем я успела отдернуть руку. Хватка была жесткой, но удивительно бережной. Его пальцы, горячие и шершавые, обхватили мою холодную кожу.

— Хирург, а технику безопасности нарушаешь, — глухо произнес он, рассматривая ранку.

— Я диагност, — поправила я, чувствуя, как от его прикосновения по венам побежало странное тепло, которого там не было уже очень давно. — Хирург у нас... Влас.

При имени моего мужа Марк неувовимо напрягся. Его челюсть сжалась, а в глазах снова промелькнула та самая тя-

желая тень. Он отпустил мою руку, словно обжегшись, и отступил на шаг.

— Обработай хлоргексидином. Здесь старое дерево, инфекцию занесешь на раз, — голос Марка стал сухим, дистанция между нами мгновенно увеличилась до размеров пропасти. — Если еще что-то заклинит — зови. Я пока забор доделываю.

Он развернулся и пошел к выходу. Я смотрела ему вслед, чувствуя себя глупо. Словно я только что испортила что-то важное, произнеся имя человека, который вчера вытер об меня ноги.

— Марк, — окликнула я его уже на пороге. Он остановился, но не обернулся. — Спасибо. За окно.

— Обработай руку, Лера, — бросил он через плечо и вышел на залитое солнцем крыльцо.

Я осталась стоять посреди пыльной комнаты. Ветер шевелил старые занавески. Жизнь в Заречье началась со сломанного окна, капли крови и человека из прошлого, который, похоже, видел меня насквозь. Я подошла к сумке, чтобы достать аптечку, и поймала свое отражение в мутном стекле серванта.

Валерия Николаевна, владелица клиники, женщина с железной хваткой. Сегодня я впервые позволила кому-то другому открыть для меня дверь. Точнее, окно.

Я капнула антисептик на ладонь. Щипало терпимо. Гораздо слабее, чем там, в груди, где еще вчера была моя семья.

Но глядя в окно на соседский участок, где снова ритмично зазвучала ножовка Марка, я вдруг поймала себя на мысли, что тишина этого дома больше меня не пугает. Оборона прорвана. И, возможно, это к лучшему.

Глава 5

Следующие сутки слились для меня в единый, мутный поток бесконечной уборки. Мытье полов, выбивание застарелой пыли из бабушкиных ковров, оттирание оконных стекол с нашатырным спиртом — я терла, скоблила и мыла так яростно, словно пыталась отчистить не этот старый дом, а свою собственную душу от липких следов вчерашнего предательства. Физическая усталость стала моим спасением. Она вытесняла из головы голос Власа, его равнодушный взгляд и этот мерзкий, сладкий запах духов Стеллы, который, казалось, въелся мне прямо в рецепторы.

К вечеру понедельника дом в Заречье перестал напоминать склеп. В гостиной пахло сосновым мылом и свежим ветром, гуляющим в открытых окнах. На старом кухонном столе я разложила свой ноутбук, папку с документами на здание клиники и медицинский справочник, который прихватила по привычке. Это был мой новый командный пункт. Мой окоп.

Я заварила чайник. За окном сгущались лиловые сумерки. С участка Марка доносился глухой, ритмичный стук топора — он колол дрова. Я поймала себя на том, что этот звук почему-то успокаивает, как ровный метроном. Он был живым, настоящим доказательством того, что мир за пределами моего горя продолжает существовать и функционировать.

Громкий, надрывный лай разорвал тишину поселка, заставив меня вздрогнуть. Следом послышался визг тормозов и хлопок автомобильной дверцы. Кто-то приехал к Марку.

Я подошла к окну, отодвинув выцветшую занавеску. Возле кованых ворот соседского дома стоял пыльный, агрессивного вида черный внедорожник. Из машины выбрался высокий, широкоплечий парень в рваных джинсах и свободной черной футболке. Рядом с ним, натягивая поводок, рвался огромный, лохматый пес — помесь кавказца с чем-то не менее внушительным.

Парень что-то крикнул, его голос, резкий и звонкий, долетел до моего крыльца. Из-за дома вышел Марк. Он вытер руки о штанины, перекинулся с парнем парой слов и открыл калитку. Пес радостно прыгнул на Марка, едва не сбив того с ног, но мужчина лишь потрепал животное по холке с такой нежностью, которую сложно было заподозрить в этом угрюмом соседе.

Они скрылись за высоким забором, а я вернулась к своему чаю. Гости у Марка — не мое дело. У меня своих проблем хватало. Телефон на столе мигал индикатором пропущенных звонков: пять от Полины, три от Антона (заместителя Власа) и ни одного от самого мужа. Влас молчал. Видимо, Стелла была слишком хороша в постели, чтобы отвлекаться на «спятившую жену».

Я открыла ноутбук, собираясь проверить корпоративную почту. Нужно было понять, какие шаги Влас успел предпри-

нять за выходные. Но сосредоточиться не удавалось. Мысли возвращались к Марку. Встреча спустя двадцать два года. Его жесткий, оценивающий взгляд. Его руки, когда он перехватил мое запястье... Я тряхнула головой, отгоняя непрошенные картинки. У меня развод на носу, делёж бизнеса, а я думаю о школьной любви. Смешно, Валерия Николаевна. Просто смешно.

Стук в дверь раздался так неожиданно, что я едва не опрокинула горячий чай на клавиатуру.

— Кто там? — крикнула я, чувствуя, как напрягаются мышцы шеи.

— Это Марк, Лера. Открой.

Я сбросила блокировку с замка. На пороге стоял Марк. На нем была свежая футболка, волосы влажные после душа. Он выглядел... большим. Заполняющим собой всё пространство крыльца. В руках он держал тарелку, накрытую полотенцем, от которой исходил одуряющий запах жареного мяса и чеснока.

— Добрый вечер, — я машинально поправила воротник своей старой фланелевой рубашки. — Что-то случилось?

— Случилось то, что ты двое суток не выходишь со двора и, судя по пустому мусорному баку, питаешься святым духом, — Марк бесцеремонно шагнул в дом, вынуждая меня отступить. — Я пожарил стейки. Мясо свежее, фермерское. Решил, что диагностам тоже нужно есть.

Он поставил тарелку на стол рядом с моим ноутбуком. Я

опешила от такого напора. Влас всегда спрашивал разрешения, прежде чем что-то сделать. Он был безупречно вежлив. А Марк действовал так, словно имел право заботиться обо мне по умолчанию.

— Марк, спасибо, но я не голодна...

Живот предательски заурчал, напрочь опровергая мои слова. Марк усмехнулся, и эта усмешка, едва тронувшая уголки его суровых губ, вдруг сделала его лицо невероятно привлекательным.

— Организм умнее гордости, Лера. Садись.

Я вздохнула, понимая, что сопротивляться этому бульдозеру бесполезно. Села за стол. Марк стянул полотенце — два идеальных, сочных куска мяса с румяной корочкой. Запах был такой, что закружилась голова.

— А ты? — я подняла на него глаза.

— А я поужинаю со своим гостем, — ответил он, прислонившись плечом к дверному косяку. — Сын приехал из города. Артем.

— Сын? — я искренне удивилась. Почему-то в моем представлении Марк был закоренелым одиночкой. — Не знала, что ты женат.

По лицу Марка пробежала тень, словно я случайно наступила на больное место. Черты его лица заострились.

— Был женат. Давно. Артему двадцать. Он студент, учится на архитектора. Пошел по моим стопам.

Двадцать лет. Значит, он женился почти сразу после того, как наши пути разошлись. Укололо странное чувство, похожее на ревность, но я быстро задавила его. Не имею права.

— Это здорово. Дети — это... единственное, что остается с нами навсегда, — проговорила я, думая о Полине.

В этот момент в открытую дверь с грохотом ввалился тот самый парень с внедорожника. Вблизи он оказался еще выше Марка, худой, угловатый, с резкими чертами лица и колючими, светло-голубыми глазами, которые совершенно не гармонировали с темными глазами отца.

За ним, цокая когтями по доскам, ввалился пес. Огромный, пахнувший псиной и улицей, он тут же ткнулся мокрым носом мне в колено.

— Бать, ты куда пропал? Там угли стынут... — Артем осекся, увидев меня.

Его взгляд, до этого расслабленный, мгновенно сфокусировался, стал цепким и недружелюбным. Он окинул меня с ног до головы, задержавшись на папке с документами, а потом перевел вопросительный взгляд на Марка.

— Артем, познакомься. Это наша новая соседка, Валерия, — голос Марка прозвучал ровно, но я уловила в нем легкое напряжение. — Лера, это мой сын. И его зверь, Барон.

Я выдавила дружелюбную улыбку и протянула руку.

— Здравствуй, Артем. Очень приятно. Барон у тебя красавец. Метис алабая?

Артем проигнорировал мою протянутую руку. Он скрестил руки на груди, всем своим видом демонстрируя глухую оборону.

— Ага. Алабая, — бросил он, не глядя на меня. — Бать, мы есть будем или как? А то соседям, я смотрю, наша еда нужнее.

— Артем, — Марк сделал шаг к сыну, и в его голосе лязгнул металл. — Выбирай тон.

— Да ладно, я же пошутил, — парень дернул плечом, но в его глазах не было ни капли веселья. Он снова перевел взгляд на меня. Ледяной, пронизывающий. — Просто странно. Приезжаю, а тут драма. Соседка с чемоданами, отец с тарелками бежит. Вы, Валерия, надолго к нам в глушь? Или так, перекантоваться, пока в городе проблемы не решатся?

Меня словно окатили ледяной водой. Этот щенок читал меня, как открытую книгу. Он видел во мне не соседку, а угрозу. Городскую фифу, сбегавшую от мужа, которая сейчас начнет тянуть ресурсы из его доброго папаши.

Я медленно опустила руку. Моя профессиональная гордость, которую Влас топтал годами, вдруг взвилась на дыбы. Я больше не буду ни перед кем оправдываться.

— Я здесь живу, Артем, — ответила я, чеканя каждое слово. Мой голос стал спокойным и холодным, как у хирурга перед сложной ампутацией. — Это мой дом. И я решаю свои проблемы сама. А твоему отцу я благодарна за стейк. Кстати, — я перевела взгляд на собаку, которая всё еще терлась

о мою ногу, — у Барона горячий нос и он странно ставит левую заднюю лапу. Возможно, дисплазия сустава или воспаление после клеща. Я бы рекомендовала сделать рентген и сдать кровь на пироплазмоз. Чем быстрее, тем лучше.

Артем побледнел. Вся его подростковая дерзость на секунду слетела, уступив место тревоге за питомца. Он посмотрел на собаку, потом на меня.

— Вы... вы ветеринар?

— Я диагност, — отрезала я. — Если собака ляжет через два дня, в городе есть клиника «Велес-Вет». Скажешь, что от Леры. Там сделают скидку.

Я повернулась к Марку.

— Марк, спасибо за ужин. Я действительно была голодна. Но мне нужно работать.

Это было явное приглашение на выход. Марк кивнул. В его глазах я не увидела обиды, скорее — скрытое восхищение тем, как я осадил его сына. Он взял Артема за локоть и подтолкнул к выходу.

— Идем, сын. Нам еще угли раздувать. Спокойной ночи, Лера.

Они вышли, прикрыв за собой дверь. Я осталась одна в тишине комнаты, чувствуя, как колотится сердце. Запах стейка смешивался с запахом псины. Я посмотрела на темное окно. Этот Артем... В нем было что-то пугающее. Что-то надломленное, спрятанное за агрессией. Он защищал своего отца

так же яростно, как я пыталась защитить свои границы.

Я отрезала кусок мяса. Оно таяло во рту. Марк умел готовить. Он умел чинить окна. Он умел смотреть так, что перехватывало дыхание.

Но его сын ясно дал понять: чужакам здесь не рады. И если я хочу выжить в этом новом мире, мне придется воевать не только с бывшим мужем в городе, но и за свое право на спокойствие здесь, в Ручьях

Я придвинула к себе ноутбук и открыла почту. Влас так и не позвонил. Что ж. Значит, время переговоров вышло. Завтра я сделаю первый шаг, который разрушит его глянцевого пентхауса до самого основания. Я набрала номер своего юриста. Гудки в трубке звучали как обратный отсчет.

Глава 6(Марк)

(от лица Марка)

Угли в мангале подернулись седым, хрупким пеплом. Жар от них еще шел, но мясо давно остыло на тарелках, к которым мы с Артемом так и не притронулись. Сын сидел на деревянной скамье, ссутулив широкие плечи, и бездумно ковырял вилкой деревянную столешницу. Барон лежал у его ног, положив тяжелую лобастую голову на лапы.

— Городская фифа, — наконец процедил Артем, не поднимая глаз. — Приперлась сюда свои порядки устанавливать. «Я диагност, сделайте рентген». Можно подумать, мы без её ценных указаний собаку угробим.

Я взял щипцы и методично, один за другим, раздавил тлеющие куски угля. Взметнулся сноп искр и тут же погас в вечерней прохладе.

— Она права насчет Барона, Тём, — ровно ответил я, не глядя на сына. — Собака хромот с утра. И она не фифа. Она совладелица лучшей клиники в области. Если она говорит, что нужен рентген — завтра утром ты сажаешь пса в машину и везешь к ветеринарам. Это не обсуждается.

Артем резко вскинул голову. В сумерках его глаза — прозрачные, льдисто-голубые, чужие — сверкнули колючей обидой.

— Ты её защищаешь? Вы знакомы пять минут, бать! Она же насквозь фальшивая. Приехала сюда страдать напоказ. Муж бросил, бедняжка. Сейчас начнет тебе глазки строить, чтобы ты ей крышу чинил да стейки таскал. Я таких насквозь вижу.

Я положил щипцы на металлическую решетку. Звук получился слишком резким, хлестким. Артем осекся. Он знал эту черту: я никогда не повышал голос, но если металл лязгал о металл — значит, граница пройдена.

— Мы знакомы с ней не пять минут, — я тяжело оперся ладонями о стол, нависая над сыном. — Мы вместе учились. Двадцать два года назад. Лера — не из тех женщин, которые ищут спонсора или бесплатную рабочую силу. Она пахала всю жизнь. И если сейчас она прячется в этом старом срубе, значит, её ударили так сильно, что перехватило дыхание. Я запрещаю тебе хамить ей, Артем. Ты меня понял?

Сын сглотнул, дернул кадыком и нехотя кивнул.

— Понял. Извини. Просто... мне не нравится, как ты на неё смотришь.

Он поднялся, щелкнул пальцами, подзывая Барона, и тяжелым шагом направился в дом. Я остался один во дворе.

«Тебе не нравится, как я на неё смотрю».

Я горько усмехнулся, достал из кармана пачку сигарет, выудил одну, но прикуривать не стал. Просто крутил в пальцах сухой табачный цилиндр, глядя на темный силуэт соседско-

го дома. В одном окне — там, где мы сегодня чинили защелку — горел тусклый желтоватый свет. Она работала. Сидела над своими бумагами, загнав боль глубоко под ребра.

Лера. Моя Лера.

Она даже не представляла, что я чувствовал вчера, когда увидел её у забора. Спрятанная в карман окровавленная рука, расправленные плечи и этот упрямый, независимый взгляд. Время тронуло её лицо, оставило пару тонких морщинок в уголках губ, сделало глаза глубже, но для меня она осталась той самой девчонкой с запахом масляной краски на пальцах. Девчонкой, которую я упустил.

Двадцать два года назад я был нищим студентом архитектурного. Я умел чертить идеальные своды, но не умел красиво говорить. А потом появился этот медик. Лощеный, громкий, с амбициями размером с небоскреб. Он забрал её легко, смеясь, пока я стоял в стороне, стискивая кулаки до хруста сухожилий, уверенный, что не имею права ломать ей жизнь своей нищетой.

А через год моя собственная жизнь превратилась в ад, выход из которого мне пришлось выгрызать зубами.

Я прошел в свою мастерскую — просторный ангар, пристроенный к гаражу. Здесь пахло сосновой стружкой, лаком и холодным металлом. Я включил верхний свет, подошел к верстаку и взял в руки стамеску. Мне нужно было занять руки, чтобы не позволить памяти сожрать меня заживо. Но лезвие скользнуло по дереву вхолостую.

Перед глазами всплыла другая ночь. Двадцать лет назад.

Я тогда был раздавлен новостью о свадьбе Леры. Мой друг, решив вытащить меня из депрессии, затащил на какую-то закрытую вечеринку «золотой молодежи» в загородном коттедже. Грохот басов, дешевый алкоголь в дорогих бутылках, удушливый запах сигар и чужих духов.

И там была она. Восемнадцатилетняя Стелла.

Она сидела на краю бильярдного стола, болтая длинными ногами в нелепых блестящих туфлях. Дерзкая, агрессивно красивая, с глазами, в которых не было ни капли тепла — только холодный расчет и желание доказать всему миру свою взрослость. Она сама подошла ко мне. Я был для неё экзотикой — мрачный, молчаливый парень не из их круга. Для меня она была просто способом забыть ту, что выходила замуж за другого.

Одна ночь. Бессмысленная, механическая, пустая, как выброшенная пластиковая бутылка. Я ушел на рассвете, даже не оставив номера, уверенный, что мы больше никогда не пересечемся.

Я ошибался.

Стружка под стамеской свернулась упругим кольцом. Я с силой нажал на рукоять, прорезая в дубовой доске глубокий, уродливый шрам.

Она нашла меня через четыре месяца. Подстерегла у выхода из университета. На ней было огромное, бесформенное пальто, которое не могло скрыть того факта, что её тело из-

менилось.

— Я беременна, — сказала она тогда, не здороваясь. Её льдистые глаза смотрели на меня с брезгливым ужасом. — Срок большой. Врач в частной клинике отказался делать аборт, сказал, что я могу сдохнуть на столе.

Я стоял под ледяным осенним дождем, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Ребенок. От женщины, имени которой я даже не помнил до этой минуты.

— Я женюсь на тебе, — ответил я тогда, потому что меня воспитали мужчиной. Потому что я не мог бросить своего ребенка. — Я найду работу, переведусь на заочное. Мы справимся.

Стелла рассмеялась. Этот смех, резкий, похожий на скрежет стекла по металлу, я помнил до сих пор.

— Женишься? На мне? Нищий студент с руками в мозолях? — она с отвращением оглянула мою старую куртку. — Ты в своем уме? Если мой отец узнает, что я залетела от голодранца, он лишит меня наследства, вышвырнет из дома и сотрет тебя в порошок. Мне девятнадцать через месяц. Мне нужно мое тело для Милана, для яхт и нормальной жизни, а не для растяжек и пеленок в твоей хрущевке.

Она родила в тайной платной клинике, оформившись под чужим именем. Я забрал Артема в день выписки. Маленький, красный, кричащий комочек в казенном одеяле. Стелла стояла у тонированного джипа, натянув темные очки на поллица.

— Забирай своего бастарда, — бросила она мне, кутаясь в меха. — Отказы подписаны. В свидетельстве о рождении в графе «мать» будет прочерк. Если ты когда-нибудь посмеешь найти меня или сунуться к моему отцу — я клянусь, я сделаю так, что опека заберет его в детдом в тот же день. Прощай, архитектор.

Она уехала, а я остался один на крыльце клиники, прижимая к груди своего сына. Своего Артема.

С того дня моя молодость закончилась. Я работал на стройках, чертил ночами, брался за любые проекты, чтобы нанять сыну нормальную няню, чтобы купить лучшую смесь, чтобы он никогда не узнал, что родная мать выбросила его, как бракованную сумку. Я построил архитектурное бюро, заработал имя, выстроил этот дом в Ручьях — всё ради него. Для Артема я придумал легенду о матери, которая умерла при родах. Жестоко? Возможно. Но это было милосерднее правды. Потом, когда он вырос я понял, что он не верит в мою легенду и сказал ему правду о том чтоот мать бросила нас,но я не назвал её имя..

Я отбросил стамеску на верстак. Инструмент звякнул, нарушив тишину мастерской.

Двадцать лет я хранил эту тайну. Двадцать лет я вытраивал из сына любые черты Стеллы, радуясь каждый раз, когда видел в нем свою упрямую челюсть или свою привычку хмуриться. Но её глаза... эти прозрачные, холодные глаза достались ему по наследству, как вечное напоминание о

моем грехе.

Я подошел к раковине в углу ангара и открыл кран. Ледяная вода ударила по рукам, смывая пыль. Я плеснул водой в лицо, глубоко вдыхая.

А теперь здесь Лера. В двадцати шагах от меня.

Она сидит в своем старом доме, раненая предательством мужа. Я видел, как дрожали её пальцы, когда она прятала руку в карман. Я слышал, как звенел её голос, когда она ставила Артема на место. Она стала жестче, холоднее, но под этой броней билось всё то же горячее, честное сердце.

И я хочу её.

Хочу так сильно, что сводит скулы. Хочу перейти этот чертов двор, выбить дверь её спальни, сжать в объятиях и доказать, что она — не перевязочный материал. Что она — женщина, ради которой строят крепости. Я хочу стереть из её памяти ублюдка, который посмел назвать её «стерильным бинтом».

Но между нами — минные поля. Её незаконченный развод. Мой ошетилившийся сын. И моя тайна, которая висит надо мной, как гильотина.

Я вытер лицо грубым полотенцем и вышел во двор. Свет в окне Леры погас. Поселок Ручьи погрузился в тяжелый, густой сон.

— Я не отдам тебя во второй раз, — тихо сказал я в темноту, глядя на темный силуэт её крыльца. — Пусть твой Влас только попробует сунуться сюда. Он зубы об этот забор сло-

мает.

Я вернулся в дом. Нужно было проверить, как там Барон. И нужно было решить, как подобраться к Лере так, чтобы не спугнуть её. Она сейчас похожа на дикую кошку, попавшую в капкан. Любое резкое движение — и она вцепится в горло.

Я не знал, что судьба уже стянула наши жизни в такой тугой узел, разрубить который можно будет только кровью. Я просто хотел защитить женщину, которую любил всю свою жизнь. И ради этого я был готов сжечь мосты. Все до единого.

Глава 7

Вторник начался с грохота.

Я едва успела открыть глаза и сфокусировать взгляд на потрескавшемся потолке спальни, как внизу, со стороны террасы, раздался глухой удар, за которым последовал отчаянный, надрывный скулеж. Я откинула тонкий плед и, на ходу впрыгивая в джинсы, скатилась по крутой деревянной лестнице на первый этаж. Сердце колотилось где-то в районе горла. Профессиональный инстинкт вопил громче страха за собственную безопасность.

Распахнув входную дверь, я замерла на пороге. Утреннее солнце слепило глаза, заливая Ручьи пронзительным золотым светом, но картина на моем крыльце была далека от пасторали.

На нижней ступеньке, привалившись боком к покосившейся периллине, лежал Барон — огромный лохматый пес Артема. Его левая задняя лапа была неестественно вывернута и не касалась земли. Из пасти капала вязкая, желтоватая слюна, а тяжелое, прерывистое дыхание свидетельствовало о болевом шоке. Рядом с собакой, на коленях, прямо в пыли, стоял Артем. Его руки тряслись, когда он пытался нащупать пульс на бедренной артерии пса, и делал это абсолютно неправильно.

— Что случилось? — я сбегала по ступеням, на ходу со-

бирая волосы в небрежный пучок. Мой голос звучал хлестко, как щелчок кнута, заставив парня вздрогнуть.

Артем поднял на меня лицо, искаженное паникой. От его вчерашней колючей дерзости не осталось и следа. Сейчас передо мной сидел не агрессивный двадцатилетний защитник своего отца, а насмерть перепуганный мальчишка, который терял единственного друга.

— Я... я не знаю, Валерия Николаевна, — его голос сорвался на хрип. — Он утром пошел в лес, за нашим участком. Там старая свалка строительного мусора. Я услышал визг. Прибежал, а он... он пытался встать и падал. Отец уехал в город час назад на объект, я ему звоню, а он вне зоны...

Я опустилась на корточки рядом с собакой. Барон зарычал, обнажив мощные клыки, предупреждая, что не потерпит фамильярностей. Животные в боли опасны, даже самые добрые.

— Тихо, малыш, тихо, — я заговорила ровным, низким голосом, вкладывая в интонацию всю свою уверенность диагноста. — Артем, зафиксируй ему морду. Только не души, просто обхвати руками челюсти и держи крепко, если он дернется.

Парень послушно выполнил команду. Его длинные пальцы легли на густую шерсть пса. Я осторожно провела руками по туловищу Барона, проверяя ребра, позвоночник, живот. Всё было в норме, пока мои пальцы не скользнули к левому

бедру.

— Острый живот отсутствует. Слизистые бледные, но не синюшные, — я бормотала себе под нос, скорее для того, чтобы успокоить Артема монотонностью профессиональных терминов.

Я аккуратно прощупала тазобедренный сустав. Барон взвизгнул, попытался вырваться, но Артем удержал его. Под пальцами отчетливо ощущалась ненормальная подвижность кости и характерный хруст. Крепитация.

— У него вывих тазобедренного сустава, возможно, с надрывом связок, — констатировала я, поднимаясь на ноги. — Плюс, судя по слюне и тремору, он мог наткнуться на какую-то гниль или отраву на свалке. Ему нужна немедленная помощь. Рентген, обезболивающее и вправление под седацией.

— Я повезу его в город! В клинику! — Артем вскочил, но тут же растерянно оглянулся на свой внедорожник, припаркованный за забором. — Черт, ключи у отца в куртке остались, а моя машина в сервисе...

— В город мы его в таком состоянии по пробкам будем везти полтора часа, — отрезала я. — Болевой шок усугубится.

Я посмотрела на парня. В его льдисто-голубых глазах стояли слезы бессилия. Он ненавидел меня еще вчера, но сейчас его пес умирал от боли на моем крыльце. У меня не было права на обиды.

— Артем, слушай меня внимательно, — я схватила его за плечи, заставляя смотреть мне прямо в глаза. Моя хватка была жесткой. — Ты сейчас берешь Барона на руки. Аккуратно. И несешь его в дом. На кухонный стол. Быстро.

— На стол? — он растерялся, но подчинился мгновенно. — Понял.

Он подхватил тяжелую тушу пса так бережно, словно это была хрустальная ваза, и понес в дом. Я метнулась в гостиную, распахнула свою дорожную сумку и вытащила тот самый старый, тяжелый немецкий микроскоп, компактный набор хирургических инструментов, ампулы с лидокаином, дексаметазоном и шприцы. Базовый набор скорой помощи, который всегда лежал в багажнике моей машины. Спасибо Власу за его вечные насмешки: «Лера, зачем ты возишь этот хлам? У нас лучшая клиника в городе!». Сегодня этот «хлам» спасал жизнь.

Артем положил собаку на стол. Я смахнула на пол свою чашку с остатками чая, освобождая пространство. Яркий солнечный свет падал из окна прямо на импровизированную операционную.

— Держи его за передние лапы. Крепко, — скомандовала я, вскрывая ампулу.

Я сделала внутримышечный укол. Барон дернулся и затих, тяжело дыша.

— Что вы ему вкололи? — прошептал Артем, глядя на мои руки с каким-то благоговейным ужасом.

— Коктейль. Обезболивающее и противошоковое. Сейчас ему станет легче, но вправлять сустав без рентгена вслепую я не буду, это риск порвать капсулу. Я зафиксирую лапу тугой повязкой, чтобы она не болталась, и мы поставим ему капельницу с физраствором, чтобы снять интоксикацию, если он что-то сожрал.

Я действовала быстро, механически. Эти движения были вбиты в подкорку тысячами часов практики в «Велес-Вет». Влас всегда говорил, что у меня руки не женщины, а работа — безжалостные, но спасительные.

Я наложила импровизированную шину из плотного картона (коробки из-под документов) и эластичного бинта. Затем ловко ввела катетер в вену на передней лапе Барона, закрепила пластырем и подключила систему. Бутылка с физраствором была подвешена к ручке кухонного шкафчика.

Капли ритмично застучали в пластиковой колбе. Тик-так. Тик-так. Жизнь возвращалась в норму.

Я выдохнула, чувствуя, как по спине струится пот. Футболка прилипла к телу. Я вымыла руки в раковине, тщательно смывая остатки пыли и собачьей слюны, и только потом посмотрела на Артема.

Он сидел на табуретке, обхватив голову руками. Парень выглядел так, словно его пропустили через мясорубку. Его плечи мелко дрожали.

— Он... он будет жить, Валерия Николаевна? — спросил он глухо, не поднимая головы.

— Будет. Сустав вправим в клинике, как только Марк вернется с машиной. Главное — мы сняли болевой шок и стабилизировали состояние, — я вытерла руки бумажным полотенцем и подошла к нему. — Артем, посмотри на меня.

Он поднял свои прозрачные, холодные глаза. В них больше не было агрессии. Только безмерная усталость и невысказанная благодарность.

— Извините меня, — вдруг вырвалось у него. Голос дрогнул. — За вчерашнее. Я вел себя как придурок. Просто... я думал, вы из этих. Из тех, кто приезжает, ломает чужую жизнь ради развлечения, а потом сваливает в свой город.

Я прислонилась бедром к столешнице, скрестив руки на груди. В этом парне было столько боли, спрятанной за колючей проволокой, что мне вдруг захотелось обнять его, как когда-то в детстве я обнимала Полину после сбитых коленок.

— А я не ломаю чужие жизни, Артем. Я их чиню. По крайней мере, пытаюсь, — я криво усмехнулась. — И я не сбежала из города ради развлечения. Мою жизнь сломали до меня. Я приехала сюда выжить.

Парень медленно кивнул, словно мои слова упали на благодатную почву.

— Мой отец... он хороший. Он справедливый. Он меня один вырастил, — вдруг сказал он, глядя на мерно капающий физраствор. — Моя мать нас бросила. Ушла искать богатого папика. Отец вкалывал на стройках, чтобы я не сдох

с голоду. Поэтому я... я порву любого, кто попытается использовать его доброту.

Его слова ударили меня под дых. Бросила? Марк один растил сына? В памяти всплыла вчерашняя тень на лице Марка, когда я спросила о его жене. Господи, какую же тяжесть он нес на своих плечах все эти двадцать лет, пока я жила в сытой, иллюзорной безопасности с Власом.

— Я не собираюсь использовать твоего отца, Артем, — тихо, но твердо сказала я. — Мне ничего от вас не нужно. Кроме, разве что, отвертки, если у меня снова заклинит окно.

Уголки его губ дрогнули в робкой улыбке. Это была первая искренняя эмоция, которую я увидела на его лице. Лед между нами дал трещину.

В этот момент за окном послышался звук мотора. Марк. Дверь распахнулась с такой силой, что ударилась о стену. Марк ворвался в дом, бледный, с искаженным от тревоги лицом. Видимо, Артем всё же дозвонился ему, или он сам почувствовал неладное. Его тяжелый, почти черный взгляд мгновенно оценил картину: Барон под капельницей на моем кухонном столе, Артем на табуретке и я, прислонившаяся к шкафу со шприцем в руке.

— Что случилось? — его голос был хриплым, дыхание сбилось. Он в два шага преодолел расстояние от двери до стола.

— Всё под контролем, пап, — Артем поднялся, его голос

завучал уверенно. — Барон травмировался на свалке. Вывих и подозрение на отравление. Валерия Николаевна... Лера... она его спасла. Вколола обезбол, поставила капельницу. Она всё сделала. Нам нужно везти его на рентген.

Марк перевел взгляд с сына на меня. И в этот момент мир вокруг нас сузился до размеров этой крошечной кухни.

В его глазах было столько невыразимой, обжигающей благодарности, что мне стало жарко. Он смотрел на меня не как на бывшую одноклассницу, не как на соседку. Он смотрел на меня как на женщину, которая только что защитила его семью.

Он подошел ко мне вплотную. От него пахло бензином, ветром и тревогой.

— Спасибо, — выдохнул он, и это слово прозвучало как клятва.

Его рука, горячая, шершавая, большая, легла на мое плечо. Простое, короткое прикосновение. Но от него по моему телу пробежал такой разряд тока, что я инстинктивно втянула воздух сквозь зубы. Я не привыкла к такой мужской силе — первобытной, защищающей, не требующей ничего взамен. Влас всегда прикасался ко мне с холодным расчетом хирурга, а Марк... Марк словно пытался закрыть меня собой от всего мира.

— Не за что, — я опустила глаза, чувствуя, как предательски дрожит голос. — У нас мало времени. Барона нужно грузить в машину. Я поеду с вами. Я знаю, к какому врачу

в «Велес-Вет» лучше обратиться, чтобы не нарваться на... неприятности.

Марк убрал руку с моего плеча, но тепло от его пальцев осталось, как невидимое клеймо.

— Поехали, — коротко скомандовал он.

Мы втроем — я, Марк и Артем — выносили собаку к машине, как единая команда. Я чувствовала, как рушатся мои старые, глянцевого декорации жизни. Здесь, в пыли Ручьев, среди боли и адреналина, я впервые за двадцать лет ощутила себя не стерильным бинтом, а живой, нужной женщиной, у которой, кажется, появилась настоящая армия. И эта армия пахла сосновой стружкой и честностью.

Глава 8(Артём)

(от лица Артёма)

Заднее сиденье моего «Паджеро» пахло псиной, антисептиком и чем-то еще — едва уловимым, цветочным, что совершенно не вязалось с суровым нутром этой машины. Барон спал, тяжело и хрипло посапывая под действием наркоза. Его лапа, теперь аккуратно вправленная и затянутая в жесткий лонгет, выглядела по-дурацки беспомощной.

Я сидел, вжавшись в дверцу, и смотрел в окно на мелькающие деревья. На переднем сиденье, рядом с отцом, сидела она. Валерия. Или просто Лера, как он её называл с какой-то странной, пугающей меня нежностью.

Она была вся в пыли, с пятном крови на рукаве старой рубашки, волосы выбились из пучка, а под глазами залегли тени — такие глубокие, будто она не спала неделю. Но в этой женщине была какая-то сталь. Я видел, как она зашла в свою клинику полчаса назад. Охранник на входе вытянулся во фрунт, дежурный врач побледнел, а медсестры засуетились так, словно в здание вошел не врач в отпуске, а карающий ангел. Она не повышала голос. Просто отдавала короткие, хлесткие команды, и все вокруг начинало крутиться, как идеально смазанный механизм.

Даже когда какой-то пижон в дорогом костюме — видимо, этот её муж, Влас — попытался выйти из кабинета на

шум, она просто кивнула отцу, и тот перегородил коридор своей широкой спиной. Пижон заткнулся. А Лера даже не обернулась. Она смотрела только на рентгеновский снимок лапы моего пса.

«Я диагност», — сказала она мне вчера. Тогда я подумал — выпендривается. Оказалось — констатирует факт.

— Барон проснется через час, — её голос, спокойный и низкий, вырвал меня из мыслей. — Артем, следи, чтобы он не пытался сразу встать. Будет дезориентация, может начать скулить. Это нормально. Просто будь рядом.

Я буркнул что-то неопределенное. Мне было тошно от самого себя. Еще вчера я готов был выставить её за порог, считая очередной городской хищницей, решившей пригреться возле моего отца. Отец у меня — мужик правильный, надежный. Но в женщинах он не понимает ни черта. С тех пор, как мать нас бросила, он словно запер себя в этой своей архитектуре и стройках. Никаких подруг, никаких «тетей», только работа и я.

Я помню, как он рассказывал мне про мать. Коротко, сквозь зубы, глядя куда-то мимо меня. «Она хотела другой жизни, Тём. Красивой. Дорогой. Мы ей были не по карману». Я тогда пообещал себе, что никогда не подпущу к нему такую «красивую».

Но Лера... Она не была красивой той выверенной, глянцево-красотой, которую я привык видеть в городе. Она была настоящей. Когда она зашивала рану Барону на нашем ку-

хонном столе, у неё руки не дрогнули ни разу. Она спасла моего пса. Единственное существо, которому было плевать на мои колючки и дурной характер.

Я посмотрел на затылок отца. Он вел машину молча, но я видел, как он то и дело бросает короткие взгляды на Леру. В его глазах было то, чего я никогда раньше не замечал. Какое-то голодное, отчаянное обожание, смешанное с яростью. Словно он хотел защитить её от всего мира и одновременно боялся к ней прикоснуться.

«Ты её любишь», — кольнула догадка. И от этой мысли стало не по себе. Двадцать лет мы были вдвоем, и вдруг в нашем закрытом клубе появился кто-то третий.

Мы въехали в Ручьи. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая сосны в кроваво-красный. Отец затормозил у её калитки.

— Лера, я помогу занести инструменты, — сказал он, глуша мотор.

— Не нужно, Марк. Артем поможет, — она повернулась к нам. Глаза у неё были совсем усталые. — Отдыхайте. Барону покой, тебе, Марк — тоже. Завтра я зайду, сделаю перевязку.

Она вышла из машины. Я подхватил её тяжелый футляр с микроскопом и сумку с медикаментами.

Мы дошли до её крыльца в тишине. Я поставил вещи у двери.

— Валерия Николаевна... — я замялся, не зная, как пра-

вильно сказать. — Спасибо. За Барона. И вообще.

Она посмотрела на меня, и на секунду её лицо смягчилось. Она положила руку мне на плечо — легко, почти неведомо.

— Он член семьи, Артем. За членов семьи нужно бороться. Иди, папа ждет.

Я развернулся и пошел к машине, чувствуя себя полным идиотом. Обернулся у калитки. Она стояла на крыльце — маленькая, хрупкая фигура на фоне старого, потемневшего дома. Совсем не похожа на владелицу империи.

Отец стоял у «Паджеро», опершись руками о крышу, и смотрел на неё. В его позе было столько нерастраченной силы и ожидания, что мне стало страшно. Если она его обидит, если она такая же, как моя мать... Я её уничтожу. Несмотря на Барона. Несмотря на её золотые руки.

Мы заехали во двор. Отец помог мне выгрузить пса. Мы уложили его в холле на мягкий матрас. Барон уже начал приходить в себя, водил мутными глазами и пытался лизнуть мне руку.

— Тём, — отец остановил меня в дверях кухни, когда я пошел за водой для собаки. — Подойди сюда.

Он стоял у окна, глядя на соседский участок. Свет в окнах Леры уже загорелся — тусклый, одинокий.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — голос отца был глухим. — Ты боишься, что я сошел с ума. Что я приведу в дом чужую

женщину.

— Она не чужая, — буркнул я, глядя в пол. — Ты на неё смотришь так, будто она твоя личная святая.

Отец промолчал. Долго. Я слышал, как тикают часы на стене — старые, тяжелые, которые он сам восстановил.

— Она не «очередная», Артем. Она — та самая. Которая была до твоей матери. Которая была всегда. Просто жизнь нас развела на двадцать лет.

Я вскинул голову.

— И что теперь? Она разводится. У неё там муж-козел, клиника, суды. Ты хочешь в это вляпаться? Нам мало было проблем?

Отец повернулся ко мне. В его глазах не было привычного спокойствия. Там была решимость человека, который долго ждал своего часа.

— Я вляпаюсь во что угодно, если это поможет ей дышать. И тебе придется это принять. Не ради меня. Ради того, что она сегодня сделала для тебя.

Он вышел из кухни, оставив меня одного.

Я сел на пол рядом с Бароном. Пес ткнулся носом мне в ладонь.

— Ну что, брат, — прошептал я, перебирая его густую

шерсть. — Похоже, наш тихий мирок закончился.

Внутри меня боролись два Артема. Один всё еще хотел выстроить баррикады и защитить отца от городской боли. А второй... второй вспоминал, как Лера уверенно ввела иглу в вену собаки, и как она смотрела на своего мужа в коридоре клиники — не с ненавистью, а с бесконечным, выжженным равнодушием.

Она не была похожа на ту женщину из рассказов отца, которая бросила нас ради денег. Но она была опаснее. Потому что в неё невозможно было не влюбиться. И если она разобьет сердце моему отцу, я этого не переживу.

Я посмотрел на забор. Там, в Ручьях, под покровом ночи, начиналось что-то, чего я не мог контролировать. И мне оставалось только одно — быть начеку. Потому что тени прошлого, о которых отец предпочитал молчать, уже начали сгущаться над нашим домом. И я чувствовал, что эта Лера — лишь первая ласточка в надвигающейся буре.

Я прикрыл глаза, слушая мерное дыхание пса. Завтра будет новый день. И я впервые в жизни не знал, принесет он спасение или окончательное разрушение того, что мы называли домом.

Глава 9(Влас)

(от лица Власа)

Утро в пентхаусе Стеллы больше не казалось мне началом триумфального шествия. Оно пахло кислым эспрессо, который я сам кое-как приготовил в навороченной кофемашине, и моим собственным нарастающим раздражением. Стелла еще спала, а я уже полчаса мерил шагами гостиную, пытаясь дозвониться до бухгалтерии клиники.

Бесполезно. Телефоны молчали, а мой личный доступ к банковским выпискам светился издевательской надписью: «Неверный пароль. Обратитесь к администратору».

Администратор. Лера. Мой «стерильный бинт».

Я с силой сжал в руке тонкий фарфор чашки. Никогда бы не подумал, что у этой женщины хватит духу на открытый саботаж. Двадцать лет она была тенью, фоном, декорацией моей блестящей карьеры. А теперь она решила, что может просто выключить рубильник?

В дверь коротко и сухо постучали.

— Влас Игоревич? Это Резник. Вы просили зайти пораньше.

Я открыл дверь. Борис Резник, наш бессменный юрист, выглядел так, будто провел ночь в архиве. Помятый костюм, покрасневшие глаза и папка под мышкой, которая не пред-

вещала ничего хорошего.

— Проходи, Боря. Говори сразу — ты снял блокировку? Когда я смогу зайти в систему?

Резник прошел к столу, положил папку и как-то странно, сочувственно на меня посмотрел. Так смотрят на пациента с неоперабельной стадией.

— Влас, тут дело не в паролях. Всё гораздо хуже. Я поднял архивы по регистрации прав собственности на объект по адресу Советская, сорок восемь. Здание клиники.

— Ну и? — я нетерпеливо дернул плечом. — Мы купили его пятнадцать лет назад. Наше общее ООО «Велес-Вет». Половина моя, половина — её. При разводе...

— В том-то и проблема, — перебил меня Резник, доставая из папки копию старого договора. — Оно не принадлежит ООО. Оно оформлено на Валерию Николаевну как на физическое лицо. Дарственная через договор купли-продажи. Деньги целевым назначением от продажи квартиры её бабушки. Прямое наследование.

Я выхватил бумагу. Глаза забежали по сухим строчкам. Дата. Подписи. Нотариус.

В голове всплыл тот день. Мы тогда только начали вставать на ноги. Я хотел оформить всё на фирму, но Лера впервые в жизни уперлась. Сказала, что так лучше. Я тогда махнул рукой — какая разница, на чье имя записаны стены, если мы — одно целое? Мы ведь строили это навсегда.

— И что это значит? — мой голос прозвучал как-то неестественно высоко.

— Это значит, что при разводе здание не подлежит разделу, Влас. Оно её личное. И лицензия на медицинскую деятельность привязана именно к этому адресу. Если она расторгнет договор аренды с вашим ООО... а она, как владелец здания, может это сделать в одностороннем порядке... клиника перестанет существовать юридически. Прямо завтра.

Я медленно опустился в кресло. В ушах зашумело.

Двадцать лет. Я вкладывал в эти стены каждую копейку, каждую каплю своего пота. Я сделал «Велес-Вет» брендом. И теперь выясняется, что я — просто арендатор в доме собственной жены?

— Есть еще кое-что, — Резник замялся. — Она подала ходатайство об обеспечительных мерах. До конца судебного разбирательства все счета ООО заморожены. Она утверждает, что ты планировал незаконный вывод активов в пользу третьих лиц. Громовых, если быть точнее.

— Влас? Почему так громко? — Стелла появилась в дверях спальни. На ней был шелковый пеньюар, на руках — Зефирка. Она выглядела безупречно, но её глаза мгновенно впились в папку на столе. — Резник, вы принесли хорошие новости?

Юрист кашлянул и опустил взгляд.

— Боюсь, что нет, Стелла Аркадьевна. Валерия Николаевна юридически заблокировала возможность слияния. Здание принадлежит ей.

Лицо Стеллы преобразилось в долю секунды. Улыбка «музы» сползла, обнажив хищный, холодный оскал. Она медленно опустила собаку на пол.

— Что значит — ей? — голос Стеллы стал низким, вибрирующим от ярости. — Влас, ты же сказал, что всё под контролем! Мой отец уже объявил инвесторам о покупке доли «Велес-Вет». Ты понимаешь, как это выглядит? Мой отец не прощает таких... проколов.

Я вскочил. Ярость на Леру смешалась со страхом перед Грозовым и желанием оправдаться перед Стеллой.

— Стелла, это просто недоразумение! Она подстроила ловушку! Я не знал про дарственную, она скрыла её от меня...

— Скрыла? — Стелла подошла ко мне вплотную. От неё пахло пачули, но теперь этот запах душил меня. — Она была твоей женой двадцать лет, а ты не знал, кому принадлежат твои стены? Ты идиот, Влас? Или ты просто решил, что можешь въехать в мой мир на чужом горбу?

— Стелла, я всё исправлю! — я схватил её за плечи, но она брезгливо сбросила мои руки.

— Исправишь? Как? Папа вчера сказал: если до конца недели вопрос с помещением не будет решен, он аннулирует твой контракт. Ты станешь просто врачом с голым задом и

кучей долгов. И я, Влас, не собираюсь делить этот «голый зад» с тобой. Мне нужен партнер, а не балласт.

Она развернулась и швырнула Зефирку в сторону спальни. Собачка испуганно тявкнула.

— У тебя есть три дня, Влас. Поезжай к своей серой мыши. Падай на колени. Покупай её, запугивай, соблазняй — мне плевать. Но если подписи не будет, забудь мой номер.

Дверь спальни захлопнулась с оглушительным грохотом. Резник поспешно собрал бумаги и, не глядя на меня, выскользнул в прихожую.

Я остался один в огромной гостиной, которая внезапно стала похожа на стеклянную клетку.

«Просто врач с голым задом».

Слова Стеллы жгли хуже кислоты. Она не любила меня. Она любила мой статус, мою клинику и перспективу поглощения конкурента. И если я потеряю «Велес-Вет», я потеряю её.

Я подошел к бару, плеснул себе коньяка, но пить не стал. Рука дрожала.

Лера. Всё дело в Лере.

Она всегда была такой — тихой, незаметной, исполни-

тельной. Она приносила мне кофе, гладила мои рубашки, следила за графиком моих операций. Я привык воспринимать её как должное, как воздух. А теперь этот воздух перекрыли.

— Ты хочешь войны, Лера? — прошептал я, глядя на свое отражение в панорамном окне. — Ты думаешь, что если заперла двери, то я не найду ключи?

Я знал, где она. Полина проболталась в одном из сообщений, что мама уехала в «наше старое место». Ручьи. Зброшенный бабушкин дом, который я всегда ненавидел.

Она думает, что спряталась. Думает, что в этой глуши она в безопасности. Она забыла, что я знаю все её слабые места. Я знаю, как на неё давить. Я знаю, что для неё клиника — это не просто бизнес, это её дитя. И если она не отдаст её мне по-хорошему, я уничтожу эту клинику вместе с ней.

Я схватил ключи от машины и выскочил из пентхауса.

Город плавился от летнего зноя. Мой «Ягуар» — подарок Стеллы, который теперь казался мне авансом, выданным в долг — летел по трассе, обгоняя неповоротливые грузовики. Ручьи.

Я не был там лет десять. Деревня для неудачников. Место, где время остановилось.

Лера всегда любила эту тишину. Она говорила, что там «душа отдыхает». Глупости. Душа отдыхает там, где есть

власть и деньги. А в Ручьях можно только медленно покрываться плесенью.

Я выжал газ до упора. Спидометр показывал сто сорок.

Я представлял наш разговор. Я не буду кричать. Я буду спокойным, уверенным Власом, которого она обожала столько лет. Я скажу ей, что Громы — это её шанс на обеспеченную старость. Что я не забираю у неё всё, я просто хочу «оптимизировать процессы». Я предложу ей процент. Небольшой, но стабильный. Ей хватит на её розы и книжки.

А если не сработает...

Я вспомнил про Полину. Наша дочь. Единственное, что Лера ценит больше клиники. Если Полина узнает, что мать мешает отцу строить «великое будущее», она будет на моей стороне. Я всегда был для Полины кумиром, «звездным папой». И я использую это. У меня нет выбора. Стелла не даст мне второго шанса.

Дорожный указатель «Ручьи» вынырнул из марева. Я свернул на проселочную дорогу, чувствуя, как подвеска дорогой машины стонет на ухабах.

Вот она, эта улица. Покосившиеся заборы, заросли сирени.

Я затормозил у старого сруба.

Странно. Рядом с бабушкиным домом Леры я увидел новенький, стильный забор и современный дом из темного бруса. Кто-то еще решил поселиться в этой дыре?

Я вышел из машины, поправляя пиджак и приглаживая волосы. Нужно выглядеть безупречно. Она должна увидеть, кого она потеряла. Она должна почувствовать разницу между моим блеском и своей нищетой.

Я толкнул калитку. Она не была заперта.

— Лера! — крикнул я, входя во двор. — Лера, выходи. Нам нужно поговорить как взрослым людям.

Тишина. Только шмель гудел в кустах малины.

Я прошел к крыльцу, и в этот момент дверь дома распахнулась.

Но на пороге стояла не Лера.

Из дома вышел высокий, плечистый парень в черной футболке. Тот самый, которого я видел мельком в клинике, когда они привозили собаку. Артем, кажется.

Он смотрел на меня сверху вниз своими льдисто-голубыми глазами, и в этом взгляде было столько неприкрытой ненависти, что я невольно остановился.

— Вы ошиблись адресом, Влас Игоревич, — произнес он тихим, опасным голосом. — Валерия Николаевна занята. И

она не хочет вас видеть. Ни сегодня, ни когда-либо еще.

— Мальчик, ты кто такой, чтобы указывать мне? — я попытался вернуть себе командный тон. — Позови мою жену. У нас деловой разговор.

— Ваша жена — там, в городе, — Артем сделал шаг вперед, спускаясь на одну ступеньку. Его кулаки сжались. — А здесь живет женщина, которую вы предали. И я обещаю вам: если вы сделаете еще хоть один шаг к этой двери, я забуду о вежливости.

В этот момент из-за его спины вышла Лера.

Она была в простой рубашке, с засученными рукавами, волосы убраны в хвост. Но она не выглядела сломленной. Наоборот. В её осанке появилось что-то такое, чего я не видел двадцать лет. Она смотрела на меня не с обидой, а с... безразличностью. Как смотрят на назойливое насекомое.

— Уходи, Влас, — спокойно сказала она. — Документы получишь через юристов. Нам больше не о чем говорить.

Я открыл рот, чтобы выдать заранее подготовленную речь о «благоразумии» и «инвесторах», но слова застряли в горле. Потому что из-за угла дома вышел еще один мужчина.

Крупный, мрачный, в рабочей одежде. Он просто положил руку на плечо Артема и посмотрел на меня.

И в этом взгляде, почему то неуловимо знакомом, я про-

читал приговор.

Мой идеальный мир, построенный на лжи и чужих деньгах, вдруг начал давать трещину прямо здесь, в этой пыльной деревне. И я впервые в жизни почувствовал, что «голый зад» — это гораздо ближе, чем мне казалось утром.

Глава 10

Я услышала рык его мотора еще до того, как пыльный хвост «Ягуара» показался в конце улицы. Этот звук я знала слишком хорошо — агрессивное, сытое урчание дорогого зверя, совершенно чуждое сосновому воздуху Ручьев. Влас любил скорость, любил доминировать на дороге, и даже сюда он привез свою городскую спесь.

Я стояла на крыльце, вытирая руки о старое полотенце. Только что закончила менять повязку Барону. Пес дремал в тени террасы, изредка вздрагивая во сне. Артем сидел рядом на корточках, проверяя капельницу.

— Это он? — коротко спросил парень, не оборачиваясь. Его спина напряглась, плечи стали каменными.

— Он, — ответила я, чувствуя, как внутри, где-то глубоко под ребрами, начинает ворочаться холодный, тяжелый ком. Не страх. Скорее брезгливость, какую чувствуешь, обнаружив в стерильной операционной жирную муху.

Машина затормозила у моей калитки, подняв облако мелкой белой пыли. Влас вышел из салона, поправляя полы безупречного пиджака цвета «кофе с молоком». На фоне моего покосившегося забора и буйных зарослей крапивы он выглядел как персонаж, по ошибке вырезанный из гламурного журнала и вклеенный в деревенский пейзаж.

Он толкнул калитку так, словно она уже принадлежала

ему. Его взгляд мазнул по моему дому, по заросшему саду, и на холеном лице отразилась гримаса брезгливого сочувствия.

— Лера! — крикнул он, не доходя до крыльца десяти шагов. — Лера, выходи. Нам нужно поговорить как взрослым людям. Хватит этой партизанщины.

Артем медленно поднялся. Его рост и разворот плеч заставили Власа споткнуться на полуслове и замереть. Мой муж, привыкший повелевать интернами и испуганными владельцами породистых щенков, явно не ожидал увидеть здесь этого хмурого молодого волка.

— Вы ошиблись адресом, Влас Игоревич, — Артем сделал шаг вперед, спускаясь на первую ступеньку. Его голос был тихим, вибрирующим от едва сдерживаемой ярости. — Валерия Николаевна занята. И она не хочет вас видеть. Ни сегодня, ни когда-либо еще.

Влас на мгновение растерялся, но тут же взял себя в руки. Он оправил рукава, выпятил подбородок и одарил Артема своим самым снисходительным взглядом «мэтра».

— Мальчик, ты кто такой, чтобы указывать мне? — Влас изобразил светскую улыбку, которая всегда сражала наповал спонсоров. — Позови мою жену. У нас серьезный деловой разговор. И, кстати, убери эту собаку, — он брезгливо кивнул в сторону спящего Барона. — Здесь не приют для бродячих псов.

— Эта собака — моя, — Артем спустился еще на одну

ступеньку, сокращая дистанцию. — А вы — на чужой территории. И если вы сделаете еще хоть один шаг к этой двери, я забуду о вежливости.

Я вышла вперед, положив руку на плечо Артема. Парень был натянут как струна. Я чувствовала, что еще секунда — и он просто сорвется.

— Всё в порядке, Тём. Я сама.

Я спустилась на крыльцо. Влас тут же расцвел. Он привык, что я всегда «гашу» конфликты. Он ждал, что я сейчас извинюсь за грубость соседа и мы пройдем в дом обсуждать его «инвестиции».

— Лера, ну наконец-то! — он развел руки в стороны, словно приглашая меня к примирению. — Ты посмотри, до чего ты себя довела. Рубашка в пятнах, волосы... ты в зеркало себя видела? Эта глушь тебе не идет. Поехали домой. Стелла... то есть, я хочу сказать, юристы уже подготовили все бумаги. Мы всё уладим.

Я смотрела на него и поражалась: как я могла двадцать лет считать этот пафос — мужественностью? Эту пустоту — талантом?

— Ты за этим приехал, Влас? — спросила я, и мой голос прозвучал удивительно спокойно. — Сказать, что мне не идет рубашка? Или всё-таки Резник объяснил тебе, что здание клиники не принадлежит твоим «инвесторам»?

Лицо Власа на мгновение дернулось. Улыбка стала натянутой, как старая кожа на барабане.

— Лера, давай не будем при детях... — он покосился на Артема. — Это ведь формальность. Мы ведь одна семья. Ты ведь не хочешь подставить Полину? Она так гордится нашей клиникой. Если здание будет арестовано, Полина лишится своего будущего. Ты ведь этого хочешь? Отомстить мне через дочь?

Это был классический Влас. Удар под дых самым дорогим. Раньше я бы сжалась. Раньше я бы начала оправдываться. Но сейчас я видела только жалкого манипулятора, у которого подгорают сроки перед папиком-Громовым.

— Не смей трогать Полину своими грязными руками, Влас, — отрезала я. — Моя дочь будет гордиться матерью, которая не дала себя растоптать. А клиника... клиника «Велес-Вет» умерла в ту секунду, когда ты притащил туда Стеллу.

— Ах вот как? — Влас сорвался. Его лоск осыпался, обнажая гнилое нутро. — Ты решила поиграть в независимость? На деньги бабушки? Да ты без меня — просто лаборантка! Кто пойдет к тебе? Кто доверит тебе животное без моего имени на вывеске? Ты сгниешь здесь, Лера! В этой пыли!

— Она не одна, — раздался за моей спиной низкий, рокочущий голос.

Из-за угла дома вышел Марк. Он был в рабочей одежде, руки в древесной пыли, в глазах — холодная, свинцовая тяжесть. Он не бежал, не кричал. Он просто шел, заполняя собой всё пространство двора. Марк положил руку на плечо

Артема, и тот послушно отступил, уступая место отцу.

Влас замер. Его взгляд заметался между мной и Марком. В глазах мужа вспыхнуло узнавание, смешанное с густой, ядовитой ревностью и... страхом.

— Соболев? — прошипел Влас. — Ты? Откуда ты здесь взялся?

— Я здесь живу, Влас, — Марк остановился в двух шагах от него. Он был на голову выше моего мужа и в два раза шире в плечах. На фоне Марка Влас со своим маникюром и дорогим пиджаком выглядел как комнатная собачка перед волкодавом. — И я очень не люблю, когда на моей улице шумят. Особенно — когда обижают женщин.

— Твоей улице? Женщин? — Влас истерично расхохотался, но в этом смехе не было веселья. — Так вот оно что! Лера, я не ожидал. Стоило мне уйти, как ты подобрала этого... деревенского строителя? Ты на него меня променяла? На этого неудачника, который всю жизнь только и умел, что доски строгать?

Я видела, как у Марка на скулах заиграли желваки. Его кулаки сжались.

— Уходи, Влас, — я сделала шаг вперед, загораживая Марка. Не потому что боялась за него. Я боялась, что Марк просто убьет это ничтожество прямо здесь, и это испортит ему жизнь. — Документы получишь через юристов. Здание я сдаю в аренду. Не тебе. И не Грозовым.

— Ты не посмеешь! — Влас визжал, теряя последние

остатки человеческого достоинства. — Я отсужу у тебя всё! Каждую плитку! Каждую ампулу!

— Убирайся, — Марк сделал один короткий шаг вперед.

Влас инстинктивно отпрянул, споткнувшись о камень. Он едва не упал, взмахнув руками, и в этот момент выглядел настолько жалко, что мне стало почти стыдно. Почти.

— Ты пожалеешь, Лера! — крикнул он, птясь к калитке. — Ты еще приползешь ко мне! Когда твои Ручьи завалит снегом, а этот твой... «защитник» найдет себе бабу помоложе! Ты — пустое место! Стерильный бинт!

Он запрыгнул в машину, взревел мотором и с пробуксовкой рванул с места, обдав нас облаком вонючего дыма и пыли.

Тишина, наступившая после его отъезда, была такой плотной, что казалось, её можно потрогать руками. Пыль медленно оседала на траву.

Барон на террасе поднял голову, зевнул и снова уложил её на лапы. Пес чувствовал, что опасность миновала.

Я стояла, глядя на пустую дорогу. Внутри не было ни торжества, ни боли. Только странное чувство чистоты. Словно я только что вынесла из дома ведро с протухшим мусором.

— Прости, — Марк подошел ко мне сзади. Его голос был тихим и очень теплым. — Я не должен был вмешиваться. Но я не мог слушать, как он на тебя орет.

Я обернулась. Марк смотрел на меня с такой тревогой, словно я была сделана из тончайшего фарфора.

— Спасибо, Марк, — я слабо улыбнулась. — И тебе, Артем. Вы... вы настоящая команда.

Артем шмыгнул носом и неловко потрепал Барона за ухо.

— Да ладно. Он реально придурок. Как вы с ним жили-то столько лет?

Я не знала, что ответить. Действительно — как?

Марк протянул руку и осторожно убрал выбившуюся прядь с моего лица. Его пальцы, пахнущие смолой, на мгновение задержались у моего виска.

— Ты в порядке? — спросил он тише.

— Впервые за двадцать лет, Марк, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Впервые за двадцать лет я абсолютно в порядке.

Я зашла в дом. Мне нужно было доделать отчеты. Война с Власом еще не была закончена, Громовы наверняка нанесут ответный удар. Но теперь, садясь за бабушкин стол, я знала: за моей спиной не пустота. За моей спиной — стена. И эта стена умеет колоть дрова, вправлять суставы и смотреть так, что хочется верить: сорок два года — это только начало прекрасного, солнечного полдня.

А Влас... Влас ехал в город, в свой стеклянный рай, даже не подозревая, что главная тайна его «идеальной Стеллы» уже начала тикать, как бомба замедленного действия, прямо в сердце поселка Ручьи. И когда она взорвется, его «Ягуар» не спасет его от обломков.

Глава 11

Утро в Ручьях пахло сырым деревом и остывшей печной золой. Я проснулась от холода, кутаясь в старое ватное одеяло, которое еще помнило прикосновения бабушкиных рук. В нашей городской квартире с панорамными окнами и системой «умный дом» пол всегда был подогрев до идеальных двадцати трех градусов, а шторы раздвигались сами по расписанию. Здесь же мне пришлось вылезать из постели, стискивая зубы, и первым делом искать шерстяные носки.

Но, натягивая их на заочевенные ступни, я вдруг поймала себя на мысли, что мне... легко.

Мне не нужно было подстраиваться под чужое настроение. Не нужно было слушать, как Влас ворчит в ванной, что я снова переставила его лосьон после бритья. Не нужно было делать «лицо» перед зеркалом, готовясь к очередной роли идеальной жены успешного хирурга. Здесь, в этом пыльном, застывшем во времени доме, я была просто Лерой. Женщиной, у которой из активов остались только старый сруб, чемодан вещей и диплом, подтверждающий, что я умею спасать тех, кто не может сказать «спасибо».

Я накинула старую куртку и вышла на крыльцо. Поселок еще спал, укрытый густым, как парное молоко, туманом. Только на соседнем участке, за новеньким забором Марка, уже слышалось какое-то шевеление.

«Если хочешь выжить — начни работать», — эта мысль стала моим девизом на сегодня.

Мой план был прост и безумен одновременно. Я решила открыть здесь, в Ручьях, ветеринарный кабинет. Конечно, не полноценный госпиталь, как «Велес-Вет», но пункт первой помощи, где можно сделать укол, наложить повязку или провести первичную диагностику. Благо, оборудование я успела вывезти под покровом ночи еще в субботу.

Объектом для трансформации я выбрала старый сарай, примыкающий к дому. Бабушка хранила там садовый инвентарь и дрова, но сруб был крепким, а пол — бетонным, что идеально подходило для санитарных норм.

Следующие пять часов превратились в битву с прошлым. Я выносила на свалку трухлявые ящики, ржавые лопаты и горы какого-то неопознанного хлама. Руки ныли, спина протестовала, а под ногти забились вековая пыль, но с каждым вынесенным ведром мусора мне казалось, что я вычищаю из себя остатки двадцатилетнего брака.

Я отмывала бетонный пол хлоркой, стараясь не думать о том, что сейчас делает Влас. Наверное, он мечется по клинике, пытаясь взломать мои пароли или умоляет Громова подождать еще пару дней. Пусть мечется. Пусть поймет, что фундамент, на котором он стоял, всегда принадлежал мне. А он был лишь флюгером, который крутился туда, куда дул ветер моих усилий.

К полудню сарай преобразился. Чистые стены, выбелен-

ные известью, самодельный стол, накрытый чистой клеенкой, мой микроскоп и сумка с медикаментами, аккуратно расставленными на полках. Это была самая крошечная операционная в моей жизни, но она была честной. Без золотых табличек и пафосных администраторов на ресепшене.

Первая клиентка появилась, когда я вешала на калитку скромную табличку, написанную от руки: «Ветеринарный врач. Прием по предварительной записи».

Это была тетя Зина, соседка через три дома — сухонькая старушка в выцветшем платке. В руках она прижимала к груди корзинку, из которой доносилось жалобное, тонкое мяуканье.

— Лерочка, дочка, — запричитала она, едва увидев меня. — Слыхала я, что ты приехала. И что врач ты знатный, в городе-то большие дела ворочала. Помогии, а? Рыжик мой, сокровище, три дня не ест, только плачет. В город-то мне не доехать, ноги уж не те...

Я открыла калитку, жестом приглашая её внутрь.

— Проходите, тетя Зина. Сейчас посмотрим вашего Рыжика.

В моем импровизированном кабинете пахло чистотой и надеждой. Я выложила кота на стол. Обычный рыжий разбойник, исхудавший, с тусклой шерстью и воспаленными глазами. Профессиональный взгляд мгновенно отметил признаки сильного обезвоживания и специфический запах из

пасти.

— Так, Рыжик, не дерись, — я мягко, но уверенно зафиксировала кота.

Прощупала живот, заглянула в уши. Типичный запущенный стоматит на фоне вирусной инфекции. Ничего смертельного, если вовремя начать лечение. Я вскрыла ампулу с антибиотиком, набрала шприц. Тетя Зина смотрела на мои руки с таким благоговением, словно я совершала магический ритуал.

— Всё, тетя Зина. Сейчас уколём, промоем глазки, и через пару дней ваш Рыжик снова будет охотиться на мышей. Я дам вам лекарство с собой, нужно будет капать в еду.

— Ой, спасибо, родная! Сколько я должна-то? — она полезла в карман фартука за потрёпанным кошельком.

— Нисколько, — я мягко остановила её руку. — Это мой первый пациент на новом месте. На удачу.

Старушка долго благодарила, крестилась и обещала «всем в Ручьях рассказать, какой тут доктор золотой поселился».

Когда она ушла, я села на старую табуретку прямо в сарае. Навалилась дикая усталость. Но это была не та выматывающая, пустая тяжесть, которую я чувствовала в «Велес-Вет», когда приходилось разгребать жалобы богатых дамочек. Это была чистая, правильная усталость профессионала, который на своем месте.

Вечер опустился на Ручьи внезапно. Я заперла свой «кабинет» и поплелась в дом. Тело гудело, голова была пустой и

звонкой. Я мечтала только о горячем душе, но в моем доме из удобств был только старый рукомойник и баня, которую еще нужно было протопить.

Подойдя к крыльцу, я споткнулась о какой-то предмет.

В сумерках на нижней ступеньке стояла большая плетеная корзина. Я наклонилась. Внутри, прикрытые расшитым полотенцем, лежали еще теплые пирожки, банка домашней сметаны, десяток свежих яиц и запотевшая бутылка холодного молока.

Я огляделась. На улице никого не было, только в окнах дома Марка горел ровный, уютный свет.

Я подняла полотенце. Среди пирожков лежал клочок бумаги, вырванный из строительного блокнота. Почерк был крупным, размашистым, мужским.

«Если нужна помощь с крышей или тяжелыми полками — я через дорогу. Соседям полагается помогать. Стейки кончились, ешь пирожки, они у местной пекарни лучшие. М.»

Я провела пальцами по бумаге. «М». Марк.

Он не пришел сам, не стал навязываться, понимая, что после вчерашнего визита Власа мне меньше всего хочется видеть мужчин. Он просто оставил «гуманитарную помощь», давая понять, что он рядом. Не как хирург-наставник, не как муж-босс, а как человек, который видит, что мне трудно.

Я взяла корзину и зашла в дом. Пирожки всё еще пахли печью и заботой.

Сядясь за стол в одиночестве, я впервые за много лет не

чувствовала себя брошенной. Влас думал, что, лишив меня блеска «Велес-Вет», он превратит меня в ничто. Он не понимал, что блеск был наведенным, а сталь внутри — моей собственной.

Я откусила пирог — с капустой, еще горячий. Вкусно до слез.

Завтра Артем обещал привезти Барона на перевязку. Завтра придут другие соседи — слухи в Ручьях разлетаются быстрее ветра. А пока я сидела в тишине, слушала, как поскрипывают старые бревна бабушкиного дома, и понимала: моя регенерация началась. Медленно, через холод и боль, но верно.

Я посмотрела на записку Марка. «Я через дорогу».

Странно, но эта короткая фраза грела лучше, чем все системы подогрева полов в моем прошлом. У «стерильного бинта» внезапно появилась своя крепость. И, кажется, первый настоящий союзник.

Я легла спать, и мне не снился Влас. Мне снился запах сосновой стружки и огромный лохматый пес, который преданно лизал мне руку. Жизнь продолжалась. И, честное слово, она начинала мне нравиться.

Глава12

Местный магазин в Ручьях назывался бесхитростно — «Продукты», но по факту являлся чем-то средним между сельской лавкой и элитным минимаркетом. На полках соседствовали заветренные кольца краковской колбасы и бутылки итальянского просекко, а на доске объявлений у входа предложение «Продам навоз» перекрывалось визиткой ландшафтного бюро.

Я шла по пыльной обочине, щурясь от полуденного солнца, и чувствовала себя персонажем старого кино, который внезапно выпал из кадра с небоскребами в декорации деревенского полдня. В руках — матерчатая сумка-шоппер, внутри — буханка хлеба, пачка соли и кусок мыла. Простые вещи для простой жизни. В городской квартире я заказывала доставку из «Азбуки Вкуса» одним нажатием кнопки, даже не задумываясь, как выглядит курьер. Здесь же мне пришлось выдержать пытливый взгляд продавщицы, тети Гали, которая сканировала меня сквозь очки-половинки с таким усердием, словно проверяла мою родословную до пятого колена.

«Городская, значит. Бабы Насти внучка. Ох, бедовая...» — несло мне в спину, когда я выходила на крыльцо.

Ручьи дышали зноем. Воздух дрожал над дорогой, пахло разогретой хвоей и дорожной пылью. Я уже почти дошла до

поворота к своему дому, когда тишину разорвал надрывный рык мощного мотора. Черный «Паджеро» вылетел из-за угла, подняв облако мелкой белой взвеси, и с визгом затормозил в паре метров от меня, преграждая путь.

Из машины, не дожидаясь, пока осядет пыль, выпрыгнул Артем.

Сегодня он не был тем испуганным мальчишкой, который вчера на коленях молил спасти его пса. На нем были зеркальные очки, скрывающие глаза, и вся его поза — напряженные плечи, сжатые кулаки — излучала агрессию. Подростковую, колючую и несправедливую.

— Гуляем, Валерия Николаевна? — он произнес мое имя так, словно сплюнул горькую семечку. — Обживаемся?

Я остановилась, поправив лямку сумки. Внутри всё сжалось от недоброго предчувствия, но внешне я оставалась спокойной. Двадцать лет с Власом научили меня держать лицо даже тогда, когда под ногами разверзается бездна.

— Здравствуй, Артем. Как Барон?

— Барон в порядке. Спит, — он шагнул ко мне, нарушая границы личного пространства. От него пахло бензином и молодым, горячим гневом. — А вот мне не спится. Всю ночь думал, какая вы всё-таки... расчетливая.

Я приподняла бровь, не отводя взгляда от его зеркальных очков, в которых видела свое маленькое, искаженное отражение.

— И к каким же выводам ты пришел?

— К простым. Вы вчера красиво разыграли карту «спасительницы». Прибежали, укололи, капельницу поставили. Bravo. Отец в восторге, он ведь у меня доверчивый. Верит в «старую дружбу» и женское благородство. Только я в сказки не верю.

Артем снял очки. Его глаза, прозрачные и холодные, как лед в стакане, смотрели на меня с нескрываемым презрением.

— Вы ведь всё продумали, да? Муж выставил вас за дверь, клинику отобрали. Куда податься бедной женщине в сорок два года? Правильно, к старому знакомому, у которого дом — полная чаша и совести вагон. Вы ведь профессиональная жертва, Лера. Знаете, на какие рычаги нажать, чтобы мужик начал забор чинить и пирожки таскать.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Каждое его слово было как удар хлыстом. Но я молчала, позволяя ему выплеснуть весь этот яд.

— Вы думаете, что если спасли собаку, то получили входной билет в нашу жизнь? — продолжал он, и его голос сорвался на злой хрип. — Не обольщайтесь. Вы для своего мужа — отработанный материал. Он вас выбросил, как старую ветошь, потому что вы занудная, правильная и... увядающая. И не надо пытаться заменить мне мать или строить из себя святую перед моим отцом. Поиграли в ветеринара — и хватит. Уезжайте из Ручьев, пока Марк окончательно

не поверил в вашу беспомощность. Нам не нужны городские хищницы, маскирующиеся под хромых кошек.

В воздухе повисла тяжелая, душная тишина. Я слышала, как стрекочут кузнечики в траве и как тяжело дышит парень передо мной. Он ждал моей реакции. Ждал, что я расплачусь, начну оправдываться или, наоборот, закричу в ответ.

Но я была врачом. А врачи не обижаются на симптомы болезни.

Я медленно опустила сумку на землю. Мой взгляд непроизвольно скользнул мимо Артема, к открытому окну его внедорожника. Там, на заднем сиденье, лежал Барон. Пес поднял голову, услышав голос хозяина, и я замерла.

— Закончил? — спросила я тихо.

Артем опешил. Мое спокойствие явно не входило в его планы.

— Я еще не...

— Замолчи, — я сделала шаг вперед, и на этот раз отступил он. — Ты так старался меня унижить, Артем, что просмотрел самое главное. Посмотри на свою собаку.

— Что? — он недоуменно оглянулся на машину. — При чем тут Барон? Он просто отдыхает.

— Посмотри ему в глаза. Видишь, как у него бегают зрачки? Вправо-влево, ритмично, — я подошла к машине, игнорируя протестующий жест парня. — Это называется нистагм. А теперь посмотри на его лапы. Видишь мелкую

дрожь? Тремор.

Я просунула руку в окно и коснулась уха пса. Оно было горячим. Барон слабо лизнул мою ладонь, но его взгляд был расфокусированным, словно он смотрел сквозь меня.

— Отойдите от него! — Артем дернулся было ко мне, но я обернулась и посмотрела на него так, что он замер на месте. Это был взгляд главного врача, перед которым трепетали матерые хирурги.

— Твой отец воспитал тебя защитником, Артем, но он забыл научить тебя главному — ответственности. Ты потратил десять минут на то, чтобы рассказать мне, какая я «старая ветошь», и за эти десять минут ты не заметил, что у твоей собаки начинается отек мозга.

Парень побледнел. Его самоуверенность осыпалась, как сухая штукатурка.

— Какой... какой отек? Вы ведь его вчера вылечили!

— Вчера я купировала болевой шок и сняла первичную интоксикацию, — я говорила сухим, стальным голосом. — Но яд, который он съел на свалке, — это не пищевое отравление. Это нейротоксин. Он имеет отложенный эффект. А ты, вместо того чтобы держать собаку в прохладном покое, потащил его в раскаленной машине по жаре, чтобы устроить мне сцену ревности.

Я вытащила руку из окна и вытерла её о джинсы.

— Твой пес сейчас в агонии, Артем. Тихой, незаметной агонии. И если ты прямо сейчас не развернешь машину и не отвезешь его домой, под холодные компрессы и капельницу с маннитом, то к вечеру у тебя не будет Барона. И виновата в этом будет не «городская хищница», а твоя собственная глупость.

Артем смотрел на пса, и в его глазах отразился такой первобытный, чистый ужас, что мне на секунду стало его жаль. Он схватился за дверцу машины, его руки заметно дрожали.

— Что... что мне делать? Валерия Николаевна, пожалуйста...

— Домой. Быстро. Намочи простыни ледяной водой и оберни его. Я приду через пять минут со своей сумкой.

Я подняла свою сумку с земли и пошла прочь, не оборачиваясь. Я слышала, как взревел мотор «Паджеро», как взвизгнули шины, когда Артем рванул с места.

Я шла по дороге, и мои ноги казались мне свинцовыми. «Отработанный материал». «Увядающая». Его слова всё еще звенели в ушах, как назойливый ультразвук. Влас думал так же. Наверняка он обсуждал это со Стеллой, смеясь над моей «правильностью».

Но сейчас, глядя на оседающую пыль от машины Артема, я понимала одну важную вещь. Мой профессионализм — это единственное, что никто не может у меня отобрать. Ни муж, ни его любовница, ни этот напуганный мальчишка.

Артем хотел меня сломать, а в итоге сам приполз за помо-

щью. И этот страх в его глазах, этот крик «Валерия Николаевна, пожалуйста» — это и был мой первый настоящий шаг к победе в этой новой жизни.

Я ускорила шаг. Дома меня ждала медицинская сумка. А в соседнем доме — испуганный парень, который только что понял: мир гораздо сложнее, чем его представления о «городских фифах». И если для того, чтобы завоевать его доверие и защитить Марка, мне нужно спасти эту собаку еще раз — я это сделаю. Не ради Артема. Ради себя.

Потому что «отработанный материал» не умеет воскрешать из мертвых. А я — умею.

Подойдя к своей калитке, я увидела Марка. Он стоял у своего забора, глядя вслед уехавшей машине сына, а потом перевел взгляд на меня. В его глазах была тревога и немой вопрос.

— Барону хуже, Марк, — бросила я на ходу, заходя во двор. — Неси лед из морозилки. Живо.

И я знала, что он не будет задавать вопросов. Он просто сделает. Потому что в этом мире Ручьев, в отличие от моего прошлого, люди ценили действия, а не слова. И это было то самое «новое начало», ради которого стоило пережить крушение старого мира.

Глава13

Я стоял в тени старой раскидистой сосны, прислонившись плечом к шершавому, прогретому солнцем стволу, и наблюдал за тем, как Лера возвращается из магазина. Она шла по пыльной обочине Ручьёв легко, почти летящей походкой, несмотря на увесистую сумку в руках. Пыль ложилась на её открытые плечи, солнце запуталось в каштановых волосах, выбившихся из узла, а я не мог заставить себя отвернуться.

Двадцать два года. Ровно столько я хранил её образ в самом пыльном углу своей памяти, заваленном чертежами, бетон

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.